

Амурский
Государственный
Университет

О.Н. Морозова

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

г. Благовещенск

Министерство образования и науки РФ
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О. Н. Морозова

**ФОНЕТИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**
(на материале языков трансграничья России и Китая)

Учебное пособие

Благовещенск

2025

ББК 81.2
М 80

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
филологического факультета
Амурского государственного
университета*

Рецензенты:

О. Н. Иванищева,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры
филологии и медиакоммуникаций Мурманского арктического
государственного университета (г. Мурманск);

Н. Я. Булатова,

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела
языков Сибири Института Лингвистических исследований Российской
академии наук (г. Санкт-Петербург)

Морозова О. Н. **Фонетическое портретирование языковой личности** (на материале языков трансграничья России и Китая). Учебное пособие / Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2025. 68 с.

Цель данного пособия заключается в подготовке студентов направлений «Филология», «Фундаментальная и прикладная лингвистика», «Педагогическое образование» к проведению лингвистического анализа речевого поведения человека, при котором диагностика индивидуальности автора осуществляется на основании связи скрытых фонетических закономерностей с этно- и социолингвистическими условиями речевого общения. В качестве материала для исследования взята речь этнических групп приграничных территорий России и Китая, а именно – эвенков и ороحوнов Верхнего Приамурья. Работа будет интересна для учителей школ с преподаванием эвенкийского языка, преподавателей и студентов филологических и лингвистических факультетов вузов, а также для специалистов в области тунгусо-маньчжуроведения и алтаистики.

© О. Н. Морозова, 2025

©Амурский государственный университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Фонетическое портретирование как метод лингвистического исследования	
1.1. Методология фонетического портретирования: история вопроса и проблематика исследования.....	6
1.2. Актуальные проблемы изучения экспериментально-фонетического анализа речи коренного населения Верхнего Приамурья России и Китая.....	10
1.3. Вопросы к материалам главы 1.....	11
Глава II. Экспериментально-фонетический анализ речи коренного населения Верхнего Приамурья России и Китая	
2.1. Материал и методика исследования.....	12
2.2. Фонетический портрет селемджинского эвенка.....	13
2.3. Фонетический портрет синьшэнского ороचना.....	41
2.4. Сравнительные характеристики звучащей речи коренного населения Верхнего Приамурья России и Китая.....	57
2.5. Вопросы к материалам главы 2.....	61
Заключение.....	62
Список литературы.....	64

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникация является одной из центральных составляющих современного общества. Статус страны, учреждения, отдельного человека в реальном мире определяется также их статусом в информационном пространстве. О языковой личности из числа коренного населения трансграничного пространства России и Китая, о её потенциале речевого поведения, скрытых от непосредственного наблюдения фонетических характеристиках, необходимо знать студентам, изучающим межкультурную коммуникацию, прагма-, этно- и социолингвистику, специализирующихся в инструментальном анализе звучащей речи и лингвистической экспертизе.

Цель данного пособия заключается в подготовке студентов к проведению лингвистического анализа речевого поведения человека, при котором диагностика индивидуальности автора осуществляется на основании связи скрытых фонетических закономерностей с прагма-, этно- и социолингвистическими условиями речевого общения.

В учебном пособии дается характеристика термина «фонетический портрет» и проводится сравнительный анализ работ авторов, посвященных данной теме. На основе собственного экспериментально-фонетического исследования автора [Морозова, 2021] выявляются речевые характеристики представителей коренного населения Верхнего Приамурья России и Китая, необходимые для составления фонетического портрета их личности, а также выделяются преимущества фонетического портретирования как метода лингвистического анализа.

Фонетические портреты учебного пособия демонстрируют не только индивидуальные черты устной речи наших дикторов, но и показывают типичные, классифицирующие признаки, которые помогли решить одну из основных задач работы – показать динамику диалектной нормы приграничных тунгусских языков, их сегодняшнее состояние, а через это составить речевой портрет поколения, который складывается из пестрых, неповторимых индивидуальных речевых привычек эвенков России и ороочнов Китая.

В пособии студенты будут иметь дело с речью представителей разных профессий (охотник-оленовод, общественный деятель) этнических групп разных стран (селемджинский эвенк РФ, синьшэнский ороочон

(бирарчен) КНР), но людьми одной возрастной группы (60+). И каждый проиллюстрированный фонетический портрет неповторим и самодостаточен. Благодаря портретированию тунгусов из разных стран, студенты получают возможность оценить уникальную языковую ситуацию, сложившуюся на двух берегах российско-китайского Амура, в связи с сосуществованием двух систем – эвенкийской с признаками интерференции со стороны якутского и русского языков и орончонской, впитавшей в себя языковые черты китайского, маньчжурского и даурского сообществ.

Учебное пособие состоит из двух глав: «Фонетическое портретирование как метод лингвистического исследования» и «Экспериментально-фонетический анализ речи коренного населения Верхнего Приамурья России и Китая». В конце каждой главы имеется раздел с тестовыми заданиями, помогающими провести как самоконтроль студентами дома, так и контроль понимания усвоенного материала в аудитории.

Разделы, в которых представлен экспериментально-фонетический анализ устной речи, содержат иллюстративные атласы артикуляторных томограмм, акустических спектров и мелодических кривых с фонетическим описанием слов и словосочетаний (общее количество иллюстративного материала – 62 единицы), портретирующих речь представителей древнего народа Приамурья. При активном использовании фонетических иллюстраций студенты разовьют свои навыки наблюдательности, получают ценный визуальный опыт анализа артикуляторно-акустических признаков сегментных и супraseгментных единиц звуковых систем эвенкийского и орончонского языков.

Данный курс по фонетическому портретированию может реализовываться во взаимосвязи с изучением других дисциплин по лингвистике, таких как «Теория коммуникации», «Основы языкознания», «Общая фонетика», «Анализ сегментных и супraseгментных единиц», «Лингвистическая экспертиза звучащей речи», «Сегментация и транскрипция языков Сибири», «Лингвистические базы данных» и другие базовые дисциплины и спецкурсы, позволяющие охватить основные направления общелингвистической подготовки в высших учебных заведениях.

В заключение хотелось бы выразить глубокую благодарность всем тем, кто помогал автору в работе, а также нашим рецензентам, чьи советы помогли существенно улучшить текст пособия.

ГЛАВА I.

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Методология фонетического портретирования: история вопроса и проблематика исследования

Исследования по проблемам речевого общения свидетельствуют о том, что в последнее время интересы лингвистов сместились в сторону изучения речевых характеристик говорящего с учетом его индивидуальных особенностей [Джураева, 2019, с. 101]. Предметом подобных исследований становится языковая личность носителя языка. Как следствие, специфический набор средств, используемый в общении, представляется наиболее значимой характеристикой языковой личности. Проблема поиска индивидуальных особенностей речевого поведения личности разрабатывается в рамках антрополингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики и т. д. На данный момент изучение речевых характеристик говорящего с учетом его индивидуальности проводится как на основе письменных текстов, так и устной речи [Там же].

Среди сочинений в данной области наиболее известны работы М. В. Панова, Ю. Н. Караулова, Г. Г. Матвеевой, Л. П. Крысина, В. И. Карасика [Панов, 2003; Караулов, 2010; Матвеева, 1993; Крысин, 2001; Карасик, 2019]. Для описания набора речевых средств, используемых человеком, в отечественной лингвистике используются такие термины, как «языковая личность», «речевой портрет», «фонетический портрет», «речевой имидж», «идиостиль».

Ю. Н. Караулов определяет понятие «языковая личность» как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [Караулов, 2010, с. 245].

Исследование языковой личности предполагает изучение структурно-языковых особенностей речи на всех уровнях организации личности: 1) лексикона (т. е. вербально-семантического уровня организации оцениваемой языковой личности), который включает в себя звуковые

и лексико-грамматические характеристики речи человека; 2) тезауруса, который в литературе получил название «языковой картины мира» (см. напр. работы [Карасик, 2019]) и подразумевает набор разговорных формул, особой лексики и речевых оборотов, которые делают личность узнаваемой; 3) прагматикона, т. е. характеризующие личность мотивы, цели и коммуникативные роли, возникающие в процессе коммуникации [Караулов, 2010, с. 43].

«Речевой портрет» говорящего определяется как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования». Т. П. Тарасенко совершенно правильно увидела, что в речевом портрете отдельно взятой личности отражаются возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические характеристики [Тарасенко, 2007, с. 8].

Другие ученые под речевым портретом понимают набор вербальных предпочтений говорящего для актуализации определённых намерений и стратегий воздействия на слушающего, что проявляется в конкретной ситуации общения [Матвеева, 1993, с. 87]. Г. Г. Матвеева убеждена, что «наряду с общепринятым направлением прагмалингвистического анализа коммуникативно-речевых форм как четко осознаваемых и обдумываемых намерений таких, как просьба, приказ, приветствие и т.п. [Почепцов, 2001], немаловажный интерес представляет направление, которое изучает не столь многочисленные, но чрезвычайно часто используемые, заавтоматизированные речевые сигналы скрытой интенции, реализуемые как тонкие нюансы смысла» [Там же]. Они, по мнению исследователя, ориентированы на скрытое убеждение собеседника и формирование его ментального состояния. Получатель воспринимает их на неосознаваемом уровне одновременно с лексическими, семантическими, грамматическими формами и значениями [Матвеева, 1993, с. 87].

С терминологией речевого портретирования также работали М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, которые определили «речевой портрет» как «функциональную модель языковой личности» [Китайгородская, Розанова, 1995, с. 10]. При составлении портретов русской речи, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова сосредоточились на изучении произносительных норм говорящих на основе полученных

аудиозаписей. В результате был создан подробный фоноархив с текстами и комментариями, в котором описаны особенности выбора орфоэпических вариантов, использования фонетического эллипсиса и предпочтительных приемов акцентного выделения [Китайгородская, Розанова, 1995]. По меткому выражению О. М. Подольской авторы предложили читающим новую возможность восприятия мира – через языковое пространство фонетического портрета [Подольская, 1996, с. 120].

Появление термина «фонетический портрет» связано с работой «История русского литературного произношения XVII-XIX вв.», законченной в рукописи к 1970 г. [Панов, 2002]. Главы, посвященные звуковому произношению на русском языке в разные исторические эпохи, заканчиваются описанием фонетических портретов известных политических деятелей, ученых, писателей и представителей прочих профессий того времени. В силу исторической направленности работы анализ речи представленных личностей был проведен на основе письменных источников, таких как дневники, письма, заметки [Там же].

В литературе отмечается, что индивидуальность речевых привычек человека, описываемых в фонетическом портрете, нельзя считать пометой объективности лингвистического описания общей социальной группы. Социальная и общекультурная ценность фонетических описания несомненна, поскольку каждый из портретов отражает особенности речи определенной общественной среды, представителем которой является портретируемый [Крысин, 2001, с. 93].

По мнению Ю. А. Джураевой термины «фонетический портрет» и «речевой портрет» довольно близки [Джураева, 2019, с. 102], с чем трудно не согласиться. В отличие от фонетического портрета при описании речевого за основу берется не только звуковая сторона его речи, а весь комплекс речевых характеристик носителя языка в контексте заданной эпохи [Алексеева, 2012, с. 64]. Описывая же фонетический портрет личности, мы опираемся на сумму реализаций сегментных и супraseгментных единиц звуковой системы, присущей языку портретируемого.

Разные ученые при описании фонетических портретов придерживаются разных методик исследования фонетического облика языковой личности. Так, Г. Н. Иванова-Лукиянова сосредотачивается в своей

работе на изучении ритмико-интонационного своеобразия речи профессиональных актеров. Её фонетические портреты включают в себя анализ интонации (мелодического оформления речи), способа паузирования, акцентного выделения слов, имеющих смысловую и экспрессивную нагрузку, анализ темпа [Иванова-Лукьянова, 1989, с. 106]. При анализе речевого поведения актеров автор рассматривает следующие характеристики: 1) простота и сложность интонационной модели; 2) предпочтительность той или иной интонационной конструкции в разных частях предложения; 3) прямое и не прямое использование интонационных моделей; 4) особенности употребления экспрессии; 5) характер использования переходных типов интонационных контуров, присущих для того или иного актера [цит. по [Джураева, 2019, с. 102-103]].

Интересная работа Г. Н. Ивановой-Лукьяновой, выбравшей в качестве материала исследования речь актеров, которые мастерски владеют интонационными оттенками речи, не является единственной в своем роде. Исследований, посвященных фонетическому портретированию актерской речи, немало [Саричева, 1955; Промптова, 1972; Кузнецова, 1976; Брызгунова, 1986; Труфанова, 1986, Чалова, 2006; Прохвятилова, 2017]. Рассмотрим, к примеру, каким образом проводит фонетическое портретирование актерской речи В. Я. Труфанова. Автор рассматривает комбинаторику средств, которые обуславливают своеобразие интонации отдельных исполнителей. Индивидуальность говорящего при этом проявляется в характере изменения частоты основного тона в пределах интонационной конструкции, в манере сочетания мелодических модуляций, особенностях паузации и использования различного темпа [Труфанова, 1986].

Тем не менее, фонетическое портретирование как метод исследования, на наш взгляд, следует применять и к языковым личностям других профессий, для которых декламационное искусство, профессиональное владение голосом и мельчайшими нюансами интонации не является специализацией. Т. И. Шевченко в своих трудах совершенно справедливо отмечает значимость определения фонетических характеристик речи человека с целью установления его социального положения в обществе, так как тип произношения тесно связан с образом жизни людей и может служить своеобразным маркером статуса говорящего [Шевченко, 2017].

1.2. Актуальные проблемы изучения экспериментально-фонетического анализа речи коренного населения Верхнего Приамурья России и Китая

Точкой отсчета начала работ по экспериментально-фонетическому анализу звучащей речи коренного населения Верхнего Приамурья является выход в печать краткой английской статьи О. Н. Морозовой о реализации в речи селемджинских эвенков долгих и кратких гласных, оппозиция которых до сих пор фонологически значима и сохранена в исчезающем языке потомков древних оленеводов и охотников [Morozova, 2011].

Изыскания в области звучащей речи эвенков и ороочонов Приамурья при помощи фонетических методик экспериментального анализа за последние 15 лет далеко продвинулись, охватив как сегментнику, так и просодику устной коммуникации коренного населения приграничных территорий РФ и КНР. Благодаря работе Лаборатории экспериментально-фонетических исследований при кафедре иностранных языков Амурского государственного университета (в 2025 г. Лаборатории исполнилось со дня основания 20 лет) ученые-тунгусоведы получают качественный материал для фонетического анализа, имеют возможность как камерально, так и в полевых условиях обрабатывать полученные языковые данные, проводят апробацию своих гипотез путем внедрения региональной тематики в курсовые проекты и магистерские диссертации выпускников направления 45.04.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика».

Среди актуальных проблем изучения языка эвенков РФ и ороочонов КНР остаются исследования, во-первых, современного состояния акцентно-ритмической и интонационной систем обсуждаемых языков с целью поиска трансформационных процессов на уровне просодии в условиях русско-эвенкийского и китайско-орочонского билингвизма. Во-вторых, имеется потребность составить описание условий и механизма интонационной интерференции в *русской* речи эвенков в аспекте взаимодействия интонационных моделей русского и эвенкийского языков. В-третьих, следует тщательно спланировать дополнительные фонетические эксперименты для исследования сочетаний ороочонских гласных с целью решения дискуссионного вопроса о статусе ороочон-

ских контекстуальных дифтонгов. В-четвертых, надлежит провести более глубокое изучение гармонии гласных в имеющихся диалектах эвенкийского и ороchonского языков. Наконец, следует обратиться к данным по другим тунгусо-маньчжурским, монгольским, тюркским языкам для сопоставления с результатами, имеющимися на данный момент в отечественной и зарубежной лингвистике.

1.3. Вопросы к материалам главы 1

1. Какие проблемы исследования речевого общения находятся в последнее время в фокусе лингвистической науки?
2. Назовите предмет исследований речевого общения.
3. В рамках каких сфер лингвистики разрабатывается проблема поиска индивидуальных особенностей речевого поведения личности?
4. Назовите авторов наиболее известных работ по исследованию проблем речевых характеристик говорящего.
5. Дайте определение понятию «языковая личность».
6. Какие три уровня организации личности с точки зрения структурно-языковых особенностей речи можно выделить по мнению Ю. Н. Караулова?
7. Что такое «речевой портрет говорящего»?
8. В какой работе впервые появился термин «фонетический портрет»? Кто автор данной работы? На основе каких источников описывались портреты?
9. Обладает ли фонетическое портретирование социальной и общекультурной ценностью? Почему?
10. Чем отличается фонетическое портретирование от речевого?
11. Какие методик исследования фонетического облика языковой личности придерживаются при описании фонетических портретов?
12. Опишите опыт портретирования Г. Н. Ивановой-Лукьяновой?
13. Почему ученые часто выбирают материалом для фонетического портретирования актерскую речь?
14. Почему фонетические характеристики речи человека являются маркером статуса говорящего?
15. Назовите актуальные проблемы изучения экспериментально-фонетического анализа речи коренного населения Верхнего Приамурья РФ и КНР?
16. Почему имеется потребность в фонетическом портретировании русской речи эвенков РФ и китайской речи ороchonов КНР?

ГЛАВА II.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИАМУРЬЯ РОССИИ И КИТАЯ

2.1. Материал и методика исследования

Для описания фонетических портретов тунгусских языков Верхнего Приамурья РФ и КНР, было предпринято экспериментально-фонетическое исследование речи селемджинского эвенка и синьшэнского ороचना соответственно [Morozova, 2013 b, Морозова, Кравец, 2017]. Внимание акцентировалось на тех речевых особенностях говорящих, которые характеризовали их как языковые личности.

Материалом для исследования послужили списки изолированно произнесенных ими слов. Этнический язык является для обоих дикторов материнским, используется в кругу семьи и родственников. Оба испытуемые входили в одну возрастную группу (60+). При изучении артикуляционно-акустических параметров гласных применялся их формантный анализ, при непосредственном слуховом и визуальном контроле процедуры эксперимента автором работы. В тексте описания каждого гласного приводятся значения первых двух формант (F1, F2), коррелирующие с признаками ряда и подъема исследуемых гласных, а также среднее значение их длительности. При исследовании акустических характеристик согласных проводился анализ реализации плотности смычки, щелевой фазы, гармонических составляющих, если они присутствовали в спектре согласного и т. д. Частота основного тона у обоих дикторов измерялась в полутонах и показана методическими контурами на интонограммах. Измерения выполнены в программе по обработке речевого сигнала PRAAT [Boersma, 2017].

По причине отсутствия в фонетической литературе данных по артикуляции ороchonских гласных и согласных, анализ их артикуляции был осуществлен с применением магниторезонансной томографии (МРТ) [Артикуляционное описание..., 2018]. Эксперимент проводился в два этапа. На первом этапе была составлена программа эксперимента, в которую были включены две серии фонологических единиц: 1) гласные ороchonского языка /a:/, /o:/, /u:/, /i:/, /e:/, /z:/ в постпозиции к губно-губному сонорному /m/; 2) согласные ороchonского языка: /m/, /n/, /ŋ/, /nʰ/, /l/, /r/, /pʰ/, /p/, /kʰ/, /k/, /s/, /tʰ/, /t/, /ʃ/, /j/, /w/, /x/. На втором этапе было проведено томографическое исследование

дование головы и шеи диктора-орочона с целью получения изображений сагиттальных плоскостей его речевого тракта. Томографическое исследование проводилось на базе отделения лучевой диагностики ФГБНУ «Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания». Эксперимент выполнялся на низкопольном МР-52 томографе OPENMARK 4000 с применением специализированной 8-ми канальной катушки. Графическая постобработка и архивация МР-томограмм осуществлялась на рабочей станции МАХАОН 3.0. Перед началом эксперимента сотрудниками отделения лучевой диагностики проделана необходимая работа по адаптации указанных программ в соответствии с целью проводимого экспериментально-фонетического исследования.

В ходе эксперимента при реализации гласных и согласных звуков диктору необходимо было удерживать уклад активных органов речи в положении, соответствующем тому или иному звуковому сегменту, в течение 14 секунд. Общая продолжительность экспериментального исследования составила 2 часа. В результате были получены 35 МР-томограмм артикуляций гласных и согласных звуков. В соответствующем разделе настоящей главы приведены данные исследования артикуляторных характеристик согласных орочонского языка, полученные в результате изучения JPG-изображений сагиттальных плоскостей речевого тракта (томограмм) диктора. Данные томограмм сопоставляются с результатами акустического анализа.

Таким образом, для получения индивидуальных фонетических портретов представителей тунгусских языков Верхнего Приамурья РФ и КНР применялись: 1) метод акустического анализа речевого сигнала для изучения коррелятов сегментных и супрасегментных единиц; 2) метод анализа артикуляторных характеристик сегментных единиц с применением магниторезонансной томографии; 3) метод типологического сопоставления для выявления сходных и различных черт, характеризующих звуковые системы сравниваемых эвенкийского и орочонского языков. Выбор перечисленных методов для фонетического портретирования позволяет через анализ систем консонантизма, вокализма и просодии выявить черты языковой личности для составления в будущем коллективного портрета тунгуса РФ и КНР.

2.2. Фонетический портрет селемджинского эвенка

В разделе представлен вниманию читателя фонетический портрет селемджинского эвенка Стручкова Геннадия Афанасьевича (27.02.1954-

13.03.2025). По роду деятельности Г. А. Стручков был охотником-оленоводом; по происхождению – внуком зейского шамана эвенкийского рода Бута Николая Сафроновича Стручкова. Имея корни зейско-учурских эвенков, Геннадий Афанасьевич родился на селемджинской земле в с. Ивановское (колхоз им. Ворошилова «Улгэн») Амурской области в семье Стручкова Афанасия Николаевича и Сафроновой Анны Михайловны.

После окончания восьми классов Ивановской средней школы служил в рядах советской армии в Приморском крае. Имел неполное среднее специальное образование по специальности «Металлообработка», квалификация «жестянщик». После службы в армии пошёл работать в тайгу оленеводом в оленеводческую бригаду своего отца. Воспитал двух дочерей. Работал охотником на колхозном охотничьем участке на рр. Талам, Харга. В 1970 г. за успехи в труде был направлен в г. Норильск Красноярского края в эвенкийские оленеводческие бригады с целью обмена опытом. Неоднократно награждался Почётными грамотами.

Участвовал в составе международных экспедиций (Франция, Россия) в качестве проводника и эксперта по языку и культуре селемджинских эвенков. Был одним из героев документального фильма-финалиста конкурса ТЭФИ-регион 2010 «Окто» («The way»), при съёмках которого совместно со своими сородичами оказывал содействие создателям фильма в организации проживания, питания, консультирования по вопросам оленеводства, охоты, эвенкийского быта в условиях таёжной жизни. Выступил в качестве эксперта по национальному образу жизни и эвенкийской культуре в ходе сбора материалов для написания книги об эвенках Амурской области «Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры» [Забяко и др., 2012].

В 2013 г. являлся внештатным сотрудником Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского государственного университета. С его участием был разработан «Звуковой иллюстрированный словарь эвенкийского языка для детей», который был апробирован на базе Национального эвенкийского детского сада «Звездочка» с. Ивановское Селемджинского района Амурской области. Принимал участие в разработке и озвучивании «Звукового эвенкийско-русско-английского тематического словаря» [Булатова, Морозова, Стручков, 2017].

Ниже представлены особенности реализации согласных в речи портретируемого селемджинского эвенка [Morozova, 2013 a, p. 237–243].

/p/ – шумный смычный губно-губной глухой согласный. Его произнесение начинается с губной смычки, за которой следует слабый взрыв, в превокальной позиции иногда сопровождаемый турбулентным шумом, который не выражен в сочетании со следующим согласным в середине слова. Согласный /p/ встречается во всех позициях: /po:ta/ ‘сумка’, /ʃu:pa/ ‘каша’, /badapki:/ ‘сухая ветка’, /tapkami:/ ‘аплодировать’, /ugupsz/ ‘весело’, /dzlprzkmi:/ ‘колоть дрова’, /argulmi:/ ‘махать’, /dʲampan/ ‘палатка’, /lampri:/ ‘упряжь’, /szp/ ‘инструмент’ [Морозова, 2015, с. 121], /pu:rtɑ/ ‘длинный нож’, /tiŋzptun/ ‘ремень для стягивания седла, вьюка’ (рис. 4), /ʃorko/ ‘ущелье’ (рис. 5). В речи селемджинских представителей рода Бута губно-губной глухой смычный /p/ широко варьирует. Этой вариативности способствуют: 1) ослабление смычки, ослабление взрыва и сокращение его по времени; 2) потеря придыхания; 3) озвончение под влиянием гласного контекста; 4) имплозия (отсутствие размыкания артикулирующих органов, в данном случае – губ) [Морозова, 2015].

/b/ – шумный смычный губно-губной звонкий согласный. Встречается только в позициях начала и середины слова: /bʒjire:/ ‘мурашки по коже’, /o:n bidʒn:i/ ‘как живешь?’, /boloni:/ ‘осень’, /abulmi:/ ‘обессилеть’, /abulʃa:/ ‘голод’, /abdu:/ ‘животное’, /dolbohik/ ‘волк’, /dolbonmo:n/ ‘сегодня ночью’, /arbagas/ ‘шуба меховая’, /tarbak/ ‘перчатки’, /sirba/ ‘уха’, /korbz:/ ‘бык племенной’, /la:lbuka/ ‘мох простой’. Конечного /b/ в селемджинском говоре, как и в других говорах, нет. В превокальной позиции на всем протяжении согласного фиксируется F0 в соответствующей области спектра (как в слове /bo:na/ ‘град’ на рис. 50). В сочетании /b/ с последующим шумным смычным звонким согласным регистрируется частичная либо полная потеря взрыва (имплозия). В речи селемджинских представителей родов Каңйи и Эдян щелевых аллофонов фонемы /b/ не зафиксировано. У Бута менее плотная смычка перед гласными заднего ряда /o, u/. Более того, в речи нашего диктора как представителя рода Бута, предки которого вышли из зейско-учурских эвенков, отмечено свободное варьирование /b/ и /β/ в одном и том же слове, например: /abdun/ – /aβdun/ ‘берлога’.

/m/ – губно-губной смычный носовой сонант. Обладает высокой частотностью. Встречается во всех позициях в слове: /mo:/ ‘дрова’, /mi:rʒ/ ‘февраль’, /a:ma:/ ‘спать хочется’, /dʲzmo:/ ‘есть хочется’,

/dʒmʒre:/ ‘надоело’, /umʒ:/ ‘однажды’, /dʲamʒan/ ‘накомарник’, /kumkʒ:n/ ‘жук’, /anʒanʒa:n/ ‘в этом году’, /inʒʒmʒ:n/ ‘сегодня’, /diʒam/ ‘толстый’, /dʲalʒm/ ‘полный’, /ʒonʒm/ ‘длинный’. При реализации /m/ размыкание губ происходит плавно; во всех случаях, за редким исключением, импульсных составляющих не фиксируется (рис. 1).

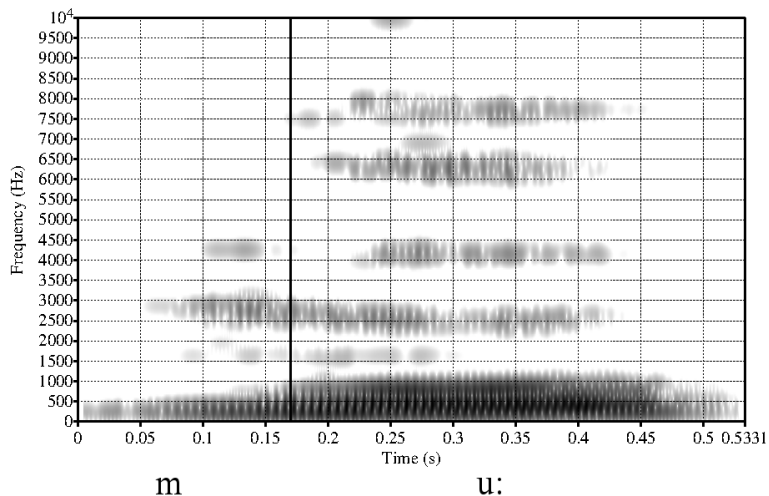

Рисунок 1. Слово /mu:/ ‘вода’

Конечный /m/ никогда не имеет импульсных составляющих и всегда имплозивен. Глухих смычных и звонких щелевых аллофонов /m/ в позиции конца слова на нашем материале, в отличие от более ранних данных М. И. Матусевич [Матусевич 1960, с. 154–155], не зафиксировано.

/β/ – губно-губной щелевой сонорный, артикулируемый с плоской щелью (рис. 2–3). Вслед за М. И. Матусевич [Матусевич 1960, с. 156–157], для обозначения данного сонанта нами используется транскрипционный знак /β/, поскольку используемый ранее в литературе по эвенкийскому языку знак /w/ [Василевич, 1948; Цинциус, 1949] не отражает истинной плоской артикуляции данного звука. В речи селемджинских эвенков данная фонема артикулируется сближенными друг к другу губами, которые образуют щель по всей их длине, губы при этом не округляются и не выпячиваются. Встречается

во всех позициях реализации, например: /oβi:laha/ ‘апрель’, /βe:lika/ ‘ласточка’, /aβa:hi/ ‘чёрт’, /ti:niβz/ ‘вчера’, /aβdu:n/ ‘нора’, /biβkz:/ ‘коренной житель’, /qiβʃz:n/ ‘косуля’, /zɪzɪzβ/ эмэрэв ‘мы пришли (не включая вас)’, /ge:β/ ‘мой друг’. Звук обычно имеет четкую формантную структуру, характерную для сонорных (см. рис. 2), однако в ряде случаев может появляться и турбулентный шум (см. рис. 3). В конечной позиции слова и перед согласным фонема /β/ оглушается. В речи селемджинских Бута сонорный /β/ в позиции перед глухим согласным сохраняет свою звонкость (см. на рис. 3 затемнения в области 50–400 Гц).

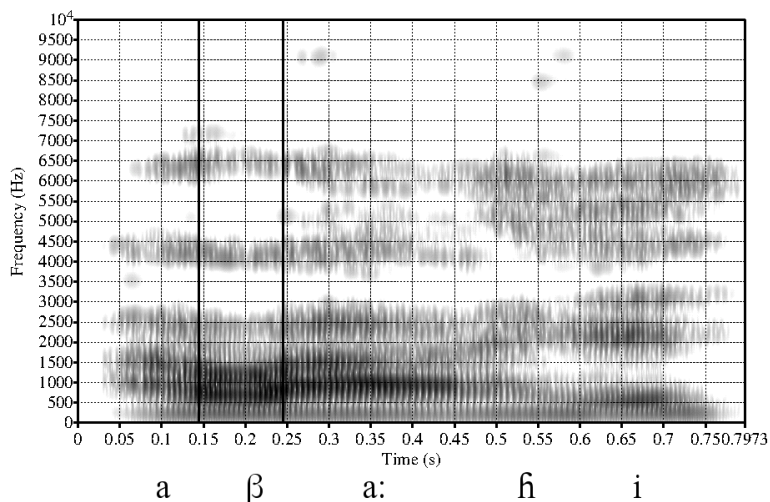

Рисунок 2. Слово /aβa:hi/ ‘чёрт’

/t/ – переднеязычный апикальный смычный глухой согласный. Относительно реализации эвенкийского переднеязычного глухого смычного /t/ можно сделать следующие выводы: 1) полная спонантизация, палатализация и озвончение коррелятам согласного /t/ не свойственны; 2) в начальной позиции перед гласными переднего ряда согласный /t/ подвергается аффрикатизации (рис. 4 – первый согласный); в других позициях аффрикатизация согласного /t/ не отмечена (рис. 4 в начале последнего слога); 3) в отношении способа образования согласный /t/ имеется четкий, но слабовоздушный взрыв; 4) элемент придыхатель-

ности у согласного /t/ выражен слабо; 5) имплозивные аллофоны согласного /t/ реализуются не только в позиции абсолютного конца слова, но и в препозиции к шумным и сонорным смычным согласным. Интересно отметить, что наличие в ауслауте имплозивных аллофонов переднеязычного /t/ зарегистрировано в постоянно контактирующем с эвенкийским якутском языке [Дьячковский, 1977 б, с. 13–19]. Встречается во всех позициях в слове, например: /tikune:/ выражение гнева, /to:ki:/ ‘лось’ /tulin/ ‘вон’ (собаке), /ata:ki:/ ‘паук’, /o:tki/ ‘декабрь’, /dʲiantaki:/ ‘россомаха’, /zktʲɨkirz/ ‘март’, /a:βurtin/ ‘мочалка’, /hi:mat/ ‘скорее’, /tʃu:βit/ ‘кулик’ [Морозова, 2015].

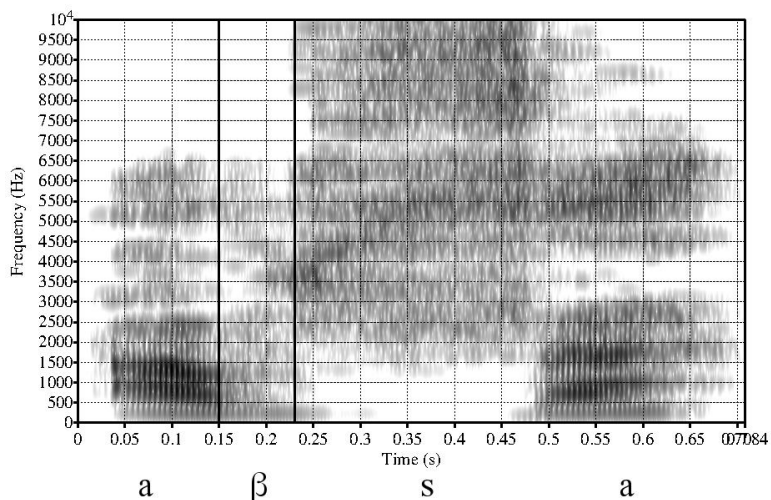

Рисунок 3. Слово /aβsa/ ‘сумка для рукоделия’

/tʃ/ – переднеязычная глухая мягкая аффриката; не встречается в позиции конца слова и препозиции к согласному. Примеры употребления: /tʃiβkaʃa:n/ ‘птичка’, /tʃa:pa/ ‘гнездо’, /tʃopko/ ‘устье’ (рис. 5), /tʃoboki:/ ‘коготь’, /tʃuʃun/ ‘скребок с мелкими зубцами’, /nʲɨʃu:ksz/ ‘ровдуга из шкуры’, /nʲuʃi:βun/ ‘каркас для дымления шкур’, /sukzʃz:n/ ‘топорик’, /toktʃoko/ ‘полоз на нартах’, /abulʃa:/ ‘голод’. В речи селемджинских Бута на месте аффрикаты реализуется переднеязычный апикальный смычный мягкий /tʃ/. В речи дикторов других родов палатализованный [tʃ] встречается эпизодически в слабой фразовой пози-

ции при быстром темпе артикулирования. Это обстоятельство заставляет предположить, что данная фонема в речи нашего диктора как представителя рода Бута находится в весьма неустойчивом положении, имея тенденцию превратиться в аффрикату /tʃ/ под влиянием родной речи эвенков-односельчан, а также русского языка.

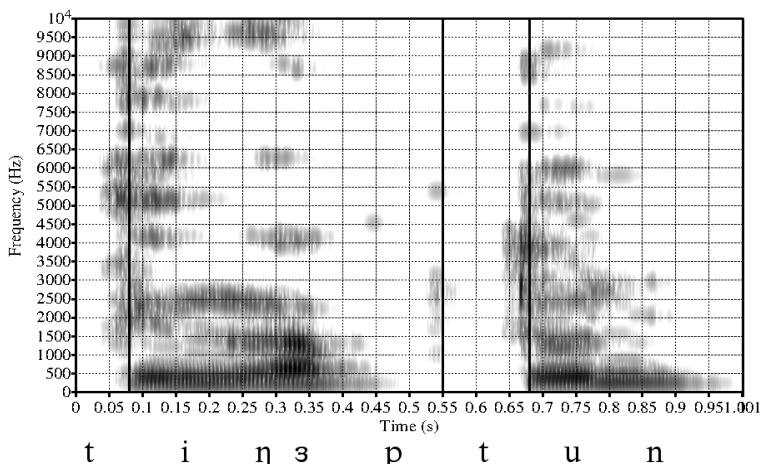

Рисунок 4. Слово /tiŋzrtun/ ‘ремень для стягивания седла, выюка’

/d/ – переднеязычный смычный звонкий апикулярный согласный. Встречается во всех позициях, кроме препозиции к согласному. Реализация в конце слова ограничено сокращенным восклицанием ‘Мбд! Мбд!’, образованного от полного окрика на оленей – ‘Мбду! Мбду!’. Перед переднерядными гласными не подвергается палатализации. Интервокальный /d/, как и в начальной позиции, никогда не теряет элемента смычки и не переходит в щелевой. Примеры реализации: /dil/ ‘голова’ (рис. 6), /dilaŋa:/ ‘солнце’, /da:ptun/ ‘устье реки’, /dun:z/ ‘земля’, /dzɜz:n/ ‘исток, начало реки’, /gugda/ ‘высота’, /guldiβun/ ‘сговор’, /kandare:/ ‘устал’, /huɣdarpi/ ‘ноябрь’.

/di/ – переднеязычный смычный звонкий апикулярный палатализованный согласный; не встречается в позиции конца слова и препозиции к согласному. Реализуется с выраженной аффрицированностью, но при этом не переходит в разряд аффрикат.

Примеры употребления в слове: /dʲa/ ‘стой!’ (олену)’, /dʲu:/ ‘дом’ (рис. 7), /dʲukʲz/ ‘лед’, /qudʲe:j/ ‘красота’, /dʲzmo:/ ‘есть хочется’, /sʲirudʲan/ ‘сентябрь’.

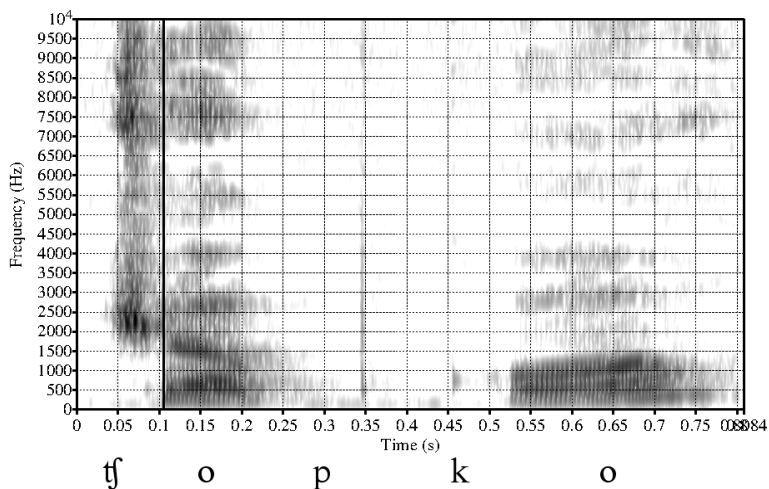

Рисунок 5. Слово /ʃorko/ ‘ущелье’

/n/ – переднеязычный смычный носовой сонант апикального образования (рис. 4, 8, 15, 16). Перед гласными переднего ряда палатализации не подвергается. В конце слова реализация /n/ всегда импловивна. Примеры реализации: /nan:a/ ‘кожа (животного)’, /antaga/ ‘южный склон горы’, /tʲɪzʲun/ ‘распятие для сушки шкур’, /zje:n/ ‘течение’.

/ni/ – переднеязычный смычный носовой палатализованный сонант (рис. 9). Оглушению /ni/ никогда не подвергается. Не употребляется в конце слова. Примеры реализации: /nʲaŋnʲa/ ‘небо’, /tuqzɪni:/ ‘зима’, /anŋa ni:/ ‘год’, /nʲɪzʲɪzʲɪzʲ/ ‘день ясный, хороший’.

/s/ – переднеязычный щелевой апикальный глухой согласный с плоской щелью (рис. 3, 10). Данные слухового и спектрального анализа речи эвенков Каңаи позволяют констатировать реализацию плоскощелевого /s/ в словах типа сагд̄ы/шагд̄ы ‘старый’, сэктэ/шэктэ ‘ветвь хвойного дерева’, которая отличает их речь от речи эвенков, проживающих в с. Ивановское. Именно плоская щель, получаемая при артикулировании распластанным языком и с плоским укладом губ, придает согласному так называемый «шекающий» характер («шепелявый» оттенок). По мнению Л. Р. Зиндера, акустическое

различие между этими двумя типами заключается в том, что круглощелевой /s/ характеризуется высокой интенсивностью шума, а плоскощелевой /s/ – низкой [Зиндер, 1979, с. 144]. Акустическая разница между круглощелевым и плоскощелевым эвенкийским /s/ не настолько сильна, чтобы её услышать при раздельном их произнесении, но в случае сопоставления звуков обоих типов она достаточно явственна. Примеры реализации: /si:s/ ‘жердь горизонтальная в палатке’, /suksil:a/ ‘льжка’, /su:ksɜ/ ‘вязочки для унтов’, /nɔjaksɜ/ ‘замшевые унты’ и так далее. Имеет мягкие аллофоны (рис. 10).

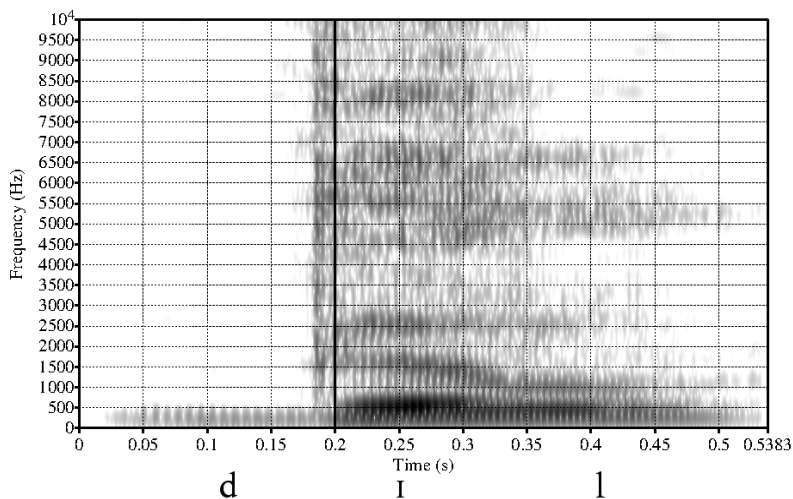

Рисунок 6. Слово /dil/ [dil] ‘голова’

/l/ – переднеязычный апикальный латеральный щелевой сонант. На слух воспринимается как «европейский» /l/ немецкого или французского типа. Под влиянием русского языка в речи некоторых представителей Эдян реализуется веляризованный /l/. У Бута часто встречается палатализованный аллофон данного согласного. Интересно, что в суффиксах повелительного наклонения 2 лица ед. ч. -kal реализуется твердый аллофон, в суффиксе -kɜl – мягкий, например: /gakal/ ~ /surukɜl/. Примеры реализации: /lu:/ ‘смола’ (рис. 11), /ulɪβun/ ‘весло’, /qu:la/ ‘северный склон горы’, /dilatʃa:/ ‘солнце’, /aldɪβun/ ‘тесло’, /dil/ ‘голова’.

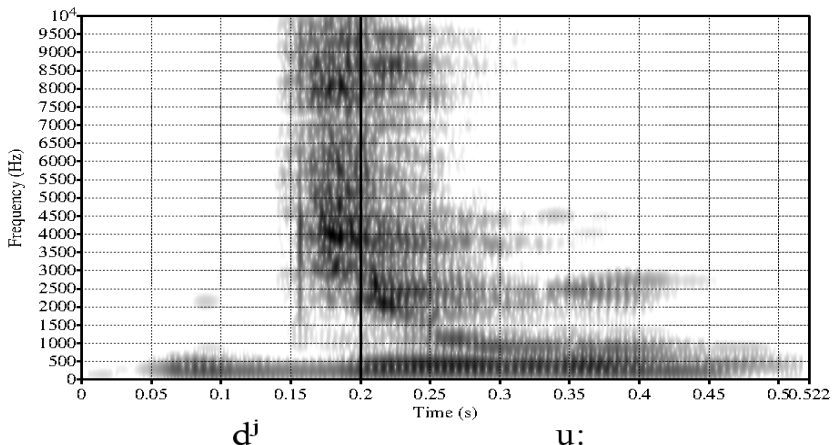

Рисунок 7. Слово /dʲu:/ ‘дом’

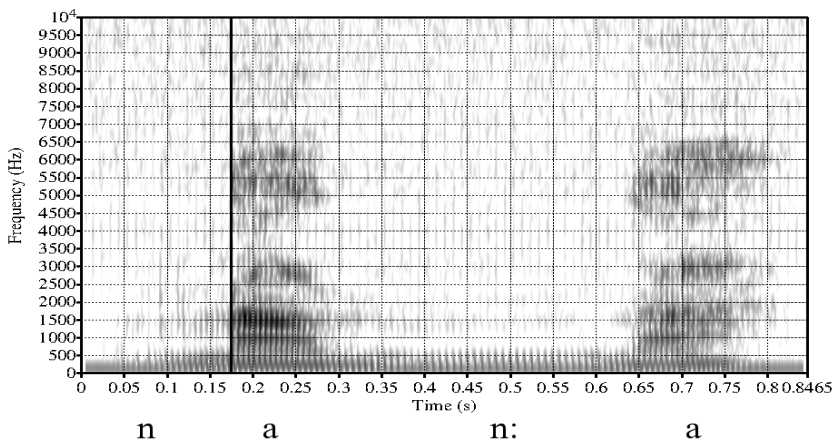

Рисунок 8. Слово /nan:a/ ‘кожа животного’

/r/ – переднеязычный дрожащий сонант (рис.12, 17). В начальной позиции слова не встречается. В интервокальной позиции /r/ в своем большинстве одноударный, но нередко звонкие шумные щелевые оттенки по типу /r/ в китайском языке (рис. 17). В конце слова часто оглушается, но при этом имеет раскатистый характер. Примеры реализации: /zɣi:βun/ ‘лопата’, /ɲzɣi/ ‘свет’, /tuŋu/ ‘дощечки для привязывания ребенка к вьюку’, /aɣi:ru:k/ ‘масленка’, /ɬurka/ ‘петля’, /hɜŋki/ ‘брюки’, /kaɟur/ ‘треск’.

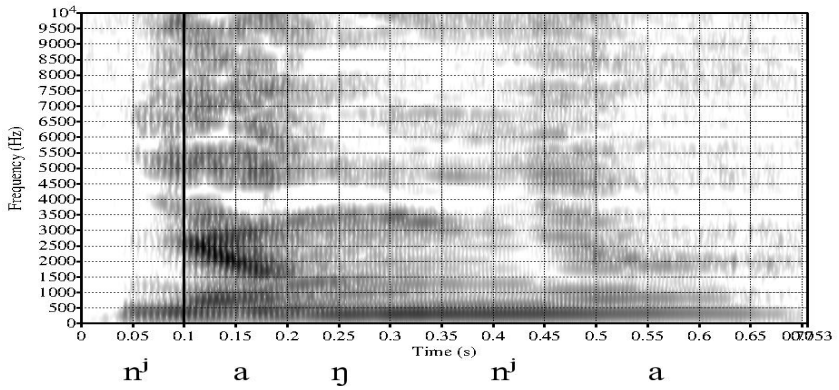

Рисунок 9. Слово /nʲaɨnʲa/ 'небо'

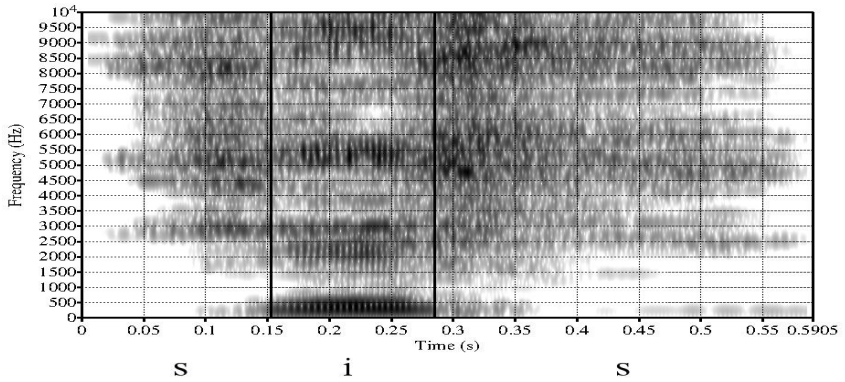

Рисунок 10. Слово /sis/ 'жердь горизонтальная в палатке'

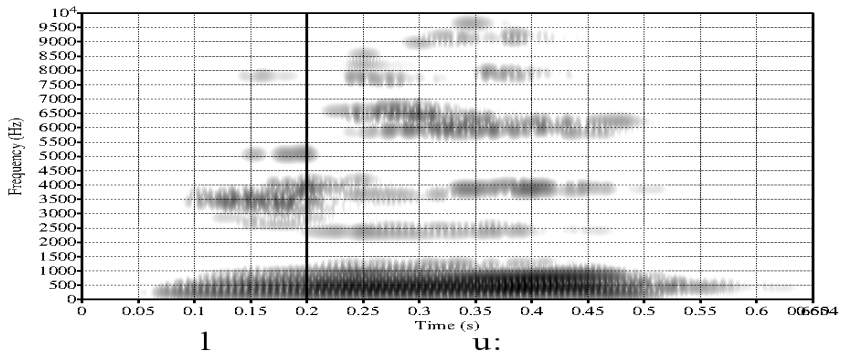

Рисунок 11. Слово /lʊ:/ 'смола'

/j/ – средняяязычный щелевой сонант. Реализуется во всех позициях слова. Примеры реализации: /ja:ŋ/ ‘сопка (рис. 13), голец’, /ju:ktz/ ‘родник’, /majaki:t/ ‘качели’, /najaksa/ ‘замшевые унты’, /dʲalja aŋin/ ‘безумие’, /zje:n/ ‘течение’, /sinʲkzj/ ‘алюминий’.

/k/ – заднеязычный смычный глухой согласный. К его аллофонам можно отнести придыхательные (рис. 14), спирализованные, увулярные, палатализованные, импловивные (рис. 15) аллофоны /k/, которым не свойственно полное озвончение. Аффрикатизации эвенкийский /k/ подвержен только в начальной позиции перед гласными переднего ряда (рис. 16). Зафиксированная широкая вариативность /k/ коррелирует с гармонией гласных, а также зависит от фразовой позиции (начало, середина, конец высказывания) и от позиции в слове [Морозова, 2017 б]. Интересно отметить, что в постоянно контактирующим с эвенкийским якутском языке также зарегистрирована зависимость качества заднеязычных смычных от сингармонической рядности соседних гласных [Дьячковский, 1977 а, с. 42–43; Широбокова, 2001, с. 96–97]. Приведём примеры реализации эвенкийского /k/: /kuβahanna/ ‘стружки’, /tʃu:ka/ ‘трава’, /buktz/ ‘шишка на льду реки, из которой вырывается вода’, /utkz:n/ ‘длинный нож, пальма’, /hʲzɡkβun/ ‘веревка’, /i:riŋzk/ ‘муравейник’.

/g/ – заднеязычный смычный звонкий согласный (рис. 17–20). Встречается во всех позициях. Звонкость начального и интервокального /g/ всегда сохраняется. Интервокальное /g/ реализуется смычным либо щелевым [ɣ] (см. рис. 20). Интервокальный щелевой аллофон [ɣ] (результат спирализации) необходимо отличать от интервокального фарингального озвонченного аллофона [ʁ] фонемы /h/ (результат озвончения) [Андросова и др., 2019, с. 26]. Отличить аллофоны [ɣ]-[ʁ] на слух для носителя русского языка является практически невыполнимой задачей. В позиции абсолютного конца слова может чередоваться с глухой парой – /k/ (см. наличие затемнений в спектре конечного согласного в области до 50–400 Гц на рис. 18 и отсутствие таковой на рис. 19). Перед гласными переднего ряда палатализуется. Примеры: /gogo/ ‘даль’, /gu:la/ ‘северный склон горы’, /buɣa/ ‘окружающий мир, родина’, /antaga/ ‘южный склон горы’, /gaq/~gak/ ‘лебедь’.

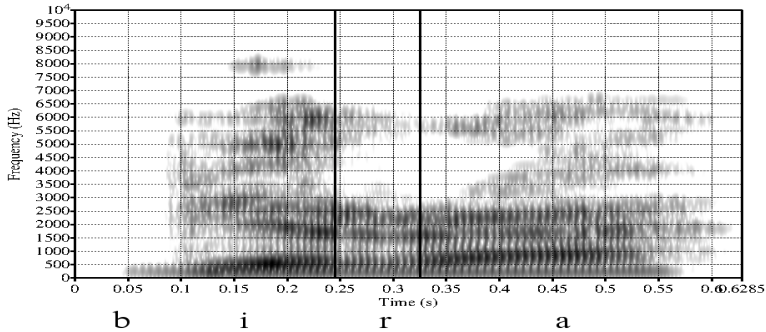

Рисунок 12. Слово /bira/ ‘река’

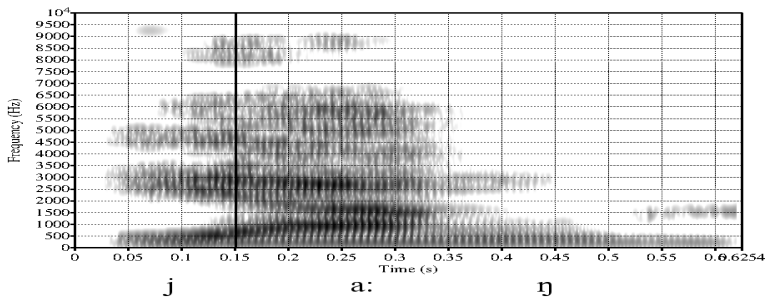

Рисунок 13. Слово /ja:n/ ‘сопка’

/ŋ/ – заднеязычный смычный носовой сонант. Палатализуется перед гласными переднего ряда. Встречается во всех позициях слова. Примеры реализации: /ŋo:/ ‘вонь’ (рис. 21), /ŋz:gi/ ‘свет’, /koŋno/ ‘чернота’, /dʒɪŋŋidz:/ ‘левая сторона’ /ja:n/ ‘сопка, голец’ (рис. 13).

/h/ – фарингальный глухой щелевой согласный. В речи представителей Бута начальный /h/ очень легкий, едва различимый. В конечной позиции /h/ не встречается. Примеры реализации: /hi:βʒun/ ‘точильный камень’, /halka/ ‘молоток’, /hakunʲe:/ ‘душно’ (рис. 22), /hu:βun/ ‘пила’, /uhiβun/ ‘ножницы’, /togoŋo/ ‘гвоздь’, /o:hika:ktə/ ‘созвездие’. В интервокальной позиции реализуется озвонченный аллофон [ɦ] в речи эвенков всех родов его села.

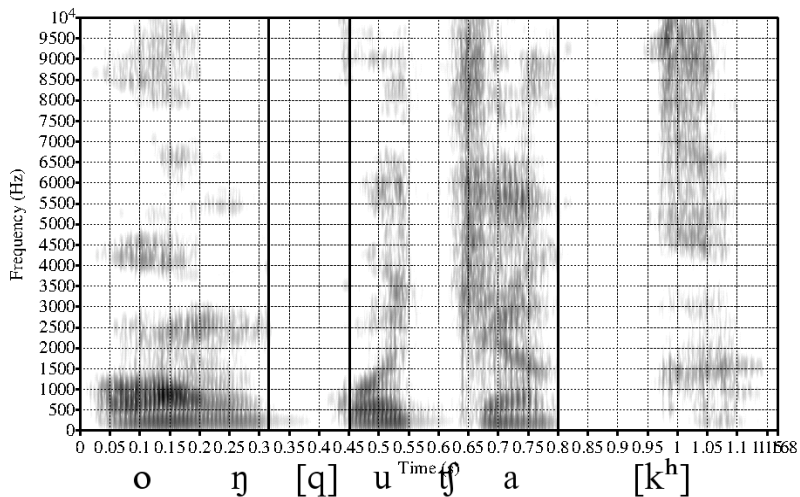

Рисунок 14. Придыхательный /k/ в слове /oŋkʰɨʂak/ ‘ямка’

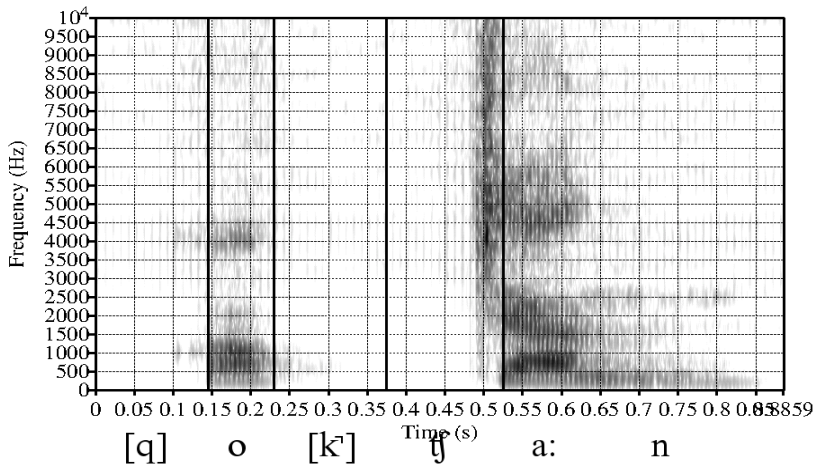

Рисунок 15. Имплзивный /k/ в слове /kok̠ʰɨʂan/ ‘маленькое копытце’

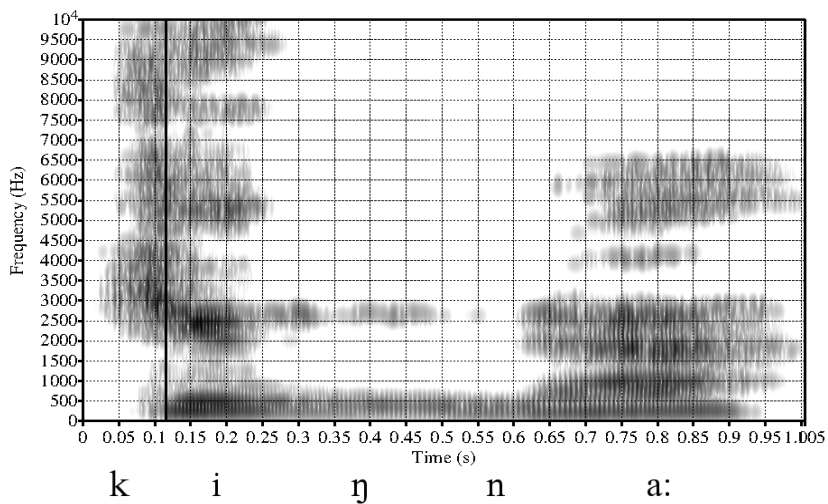

Рисунок 16. Слово /кiџна/ 'лыжа'

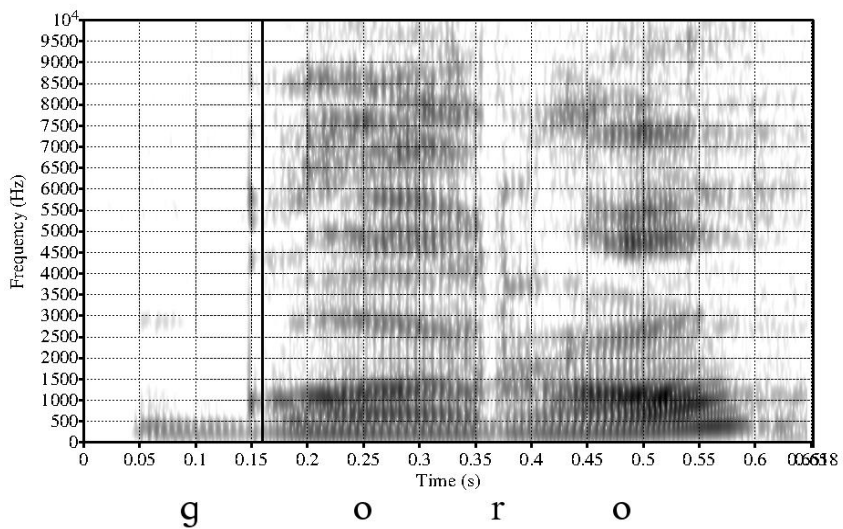

Рисунок 17. Слово /дого/ 'даль'

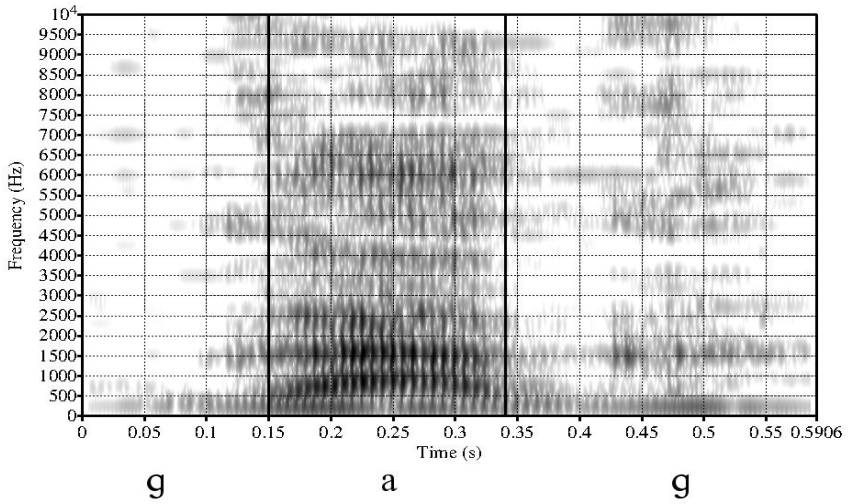

Рисунок 18. Слово /gag/ 'лебедь'

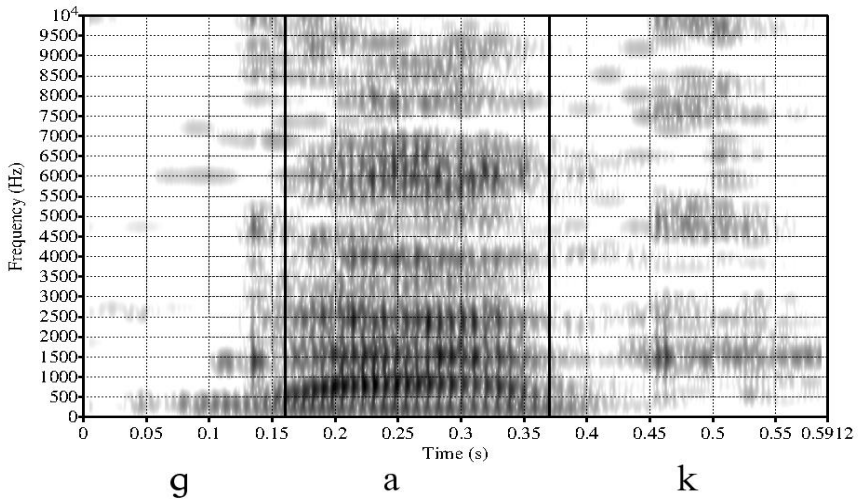

Рисунок 19. Слово /gak/ 'лебедь'

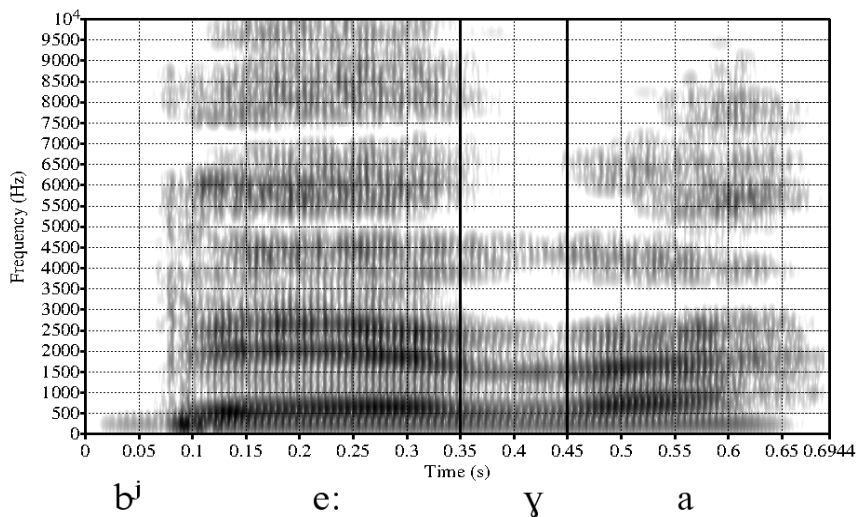

Рисунок 20. Слово /bega/ 'луна, месяц'

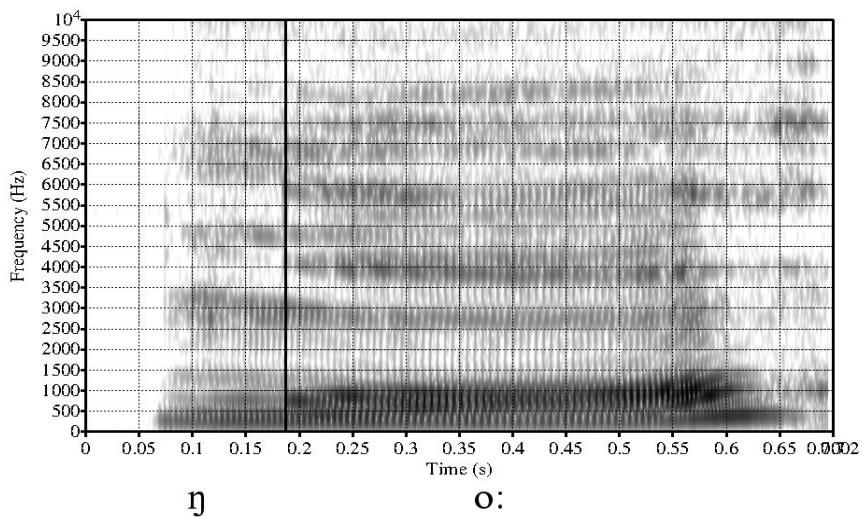

Рисунок 21. Слово /pjo:/ 'вонь'

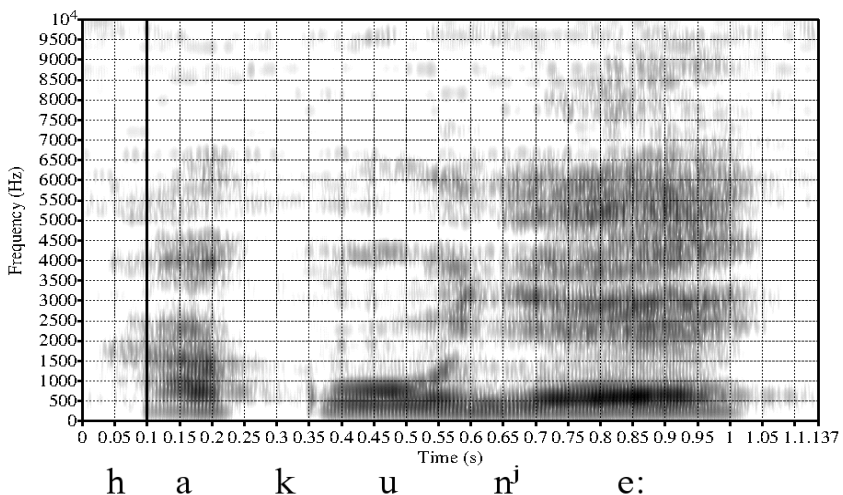

Рисунок 22. Слово /hakunie:/ ‘душно’

Ниже рассмотрим общие и уникальные черты реализации вокальной системы в речи эвенка-селемджинца. Артикуляционно-акустическое описание гласных в его речи говорит нам о следующем.

/i:/ – неогубленный долгий гласный верхнего подъема узкой разновидности, переднего ряда, на что указывают соответствующие средние формантные значения (F1 359 Гц, F2 2406 Гц), средняя длительность – 288 мс. Встречается во всех позициях в слове, например, /i:n/ ‘жизнь’, /i:du:/ ‘где’, /i:ki:t/ ‘вход’, /i:tʃa:n/ ‘локоть’, /tʃi:/ ‘одежда’.

/i/ – неогубленный краткий гласный верхнего подъема широкой разновидности (F1 461 Гц), переднего отодвинутого назад ряда (F2 2275 Гц), средняя длительность – 90 мс. Примеры реализации: /i:p/ ‘вьюк’ (рис. 23), /iʃiʃi/ ‘женская летняя обувь из ровдуги’, /o:hika:ka/ ‘созвездие’, /dilaʃa:/ ‘солнце’, /ʃz:ʃi/ ‘свет’. Фонологичность признака долготы легко демонстрируется на примерах минимальных пар (квазиомонимов) типа /i:n/ ‘жизнь’ – /i:p/ ‘вьюк’, в которых в первом слове гласный долгий, а во втором – краткий.

/e:/ – неогубленный долгий гласный среднего подъема узкой разновидности (F1 553 Гц), переднего ряда (F2 2066 Гц), средняя длительность – 210 мс. Встречается во всех позициях в слове, например,

в существительных /e:ha/ ‘глаз’ (рис. 24), /zje:n/ ‘течение’, /e:haptun/ ‘очки’, /kure:/ ‘загон’ (рис. 25), а также в местоимениях /e:kudi/ ‘какой, который’, /e:ma:/ ‘какой’, /e:kudival/ ‘кто-нибудь’, /e:kun/ ‘что’.

/a:/ – неогубленный долгий гласный нижнего подъема широкой разновидности (F1 917 Гц), центрального ряда (F2 1571 Гц), средняя длительность – 203 мс. Встречается во всех позициях в слове. Примеры реализации: /a:mi:/ ‘спать’ (рис. 26), /a:dami:/ ‘поспать’, /a:ptja:/ ‘сгоревший’, /da:ptun/ ‘устье реки’, /o:hika:kta/ ‘созвездие’, /dilaʃa:/ ‘солнце’.

/a/ – неогубленный краткий гласный нижнего подъема широкой разновидности (F1 835 Гц), центрального ряда (F2 1542 Гц), средняя длительность – 85 мс. Встречается во всех позициях в слове: /amin/ ‘отец’ с притяжательным суффиксом (рис. 27), /antaga/ ‘склон горы (южный)’, /malu:/ ‘почетное место для гостей’, /gu:la/ ‘склон горы (северный)’, /o:hika:kta/ ‘созвездие’. В отличие от пары /i:/-/i/, в которой заметные качественные различия фиксируются как по признаку подъема, так и по признаку ряда, в паре /a:/-/a/ различие по ряду (ср. значения F2) сведено к минимуму.

/o:/ – огубленный долгий гласный среднего подъема узкой разновидности (F1 563 Гц), заднего ряда (F2 983 Гц), средняя длительность – 268 мс. Встречается во всех позициях в слове. Примеры: /o:ma/ ‘пресная лепешка’ (рис. 28), /o:kin/ ‘когда’, /o:hika:kta/ ‘созвездие’, /mo:/ ‘дрова’, /do:gu:/ ‘нижнее белье’.

/o/ – огубленный краткий гласный среднего подъема широкой разновидности (F1 611 Гц), заднего продвинутого ряда (F2 1164 Гц), средняя длительность – 76 мс. Примеры: /omi:/ ‘душа’ (рис. 29), /onkuʃak/ ‘ямка’, /bolohik/ ‘осенняя одежда’. Заметная разница и по F1, и по F2 указывает на хорошо выраженные качественные различия гласных /o:/-/o/ как по подъему, так и по ряду.

/u:/ – огубленный долгий гласный высокого подъема узкой разновидности, глубокого заднего ряда (F1 388 Гц, F2 834 Гц), средняя длительность – 344 мс. Встречается во всех позициях в слове: /u:/ ‘скребок’, /u:mi:/ ‘скоблить кожу’ (рис. 30), /u:ksz/ ‘рукав’, /gu:la/ ‘склон горы (северный)’, /ʃu:ka/ ‘трава’, /ju:ktz/ ‘родник’, /su:ksz/ ‘вязочки для унтов’, /malu:/ ‘почетное место для гостей’.

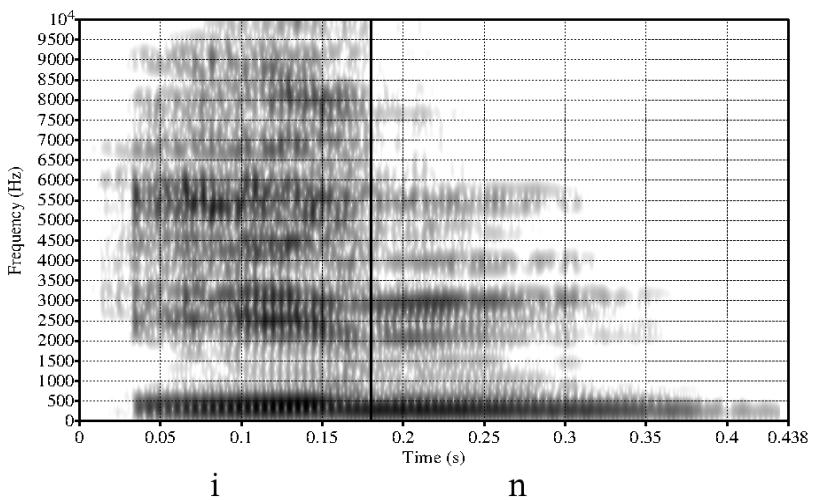

Рисунок 23. Слово /in/ 'вьюк'

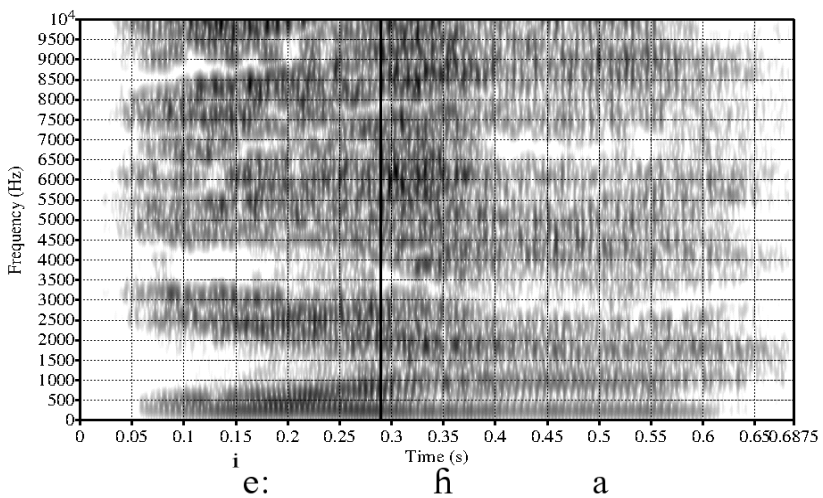
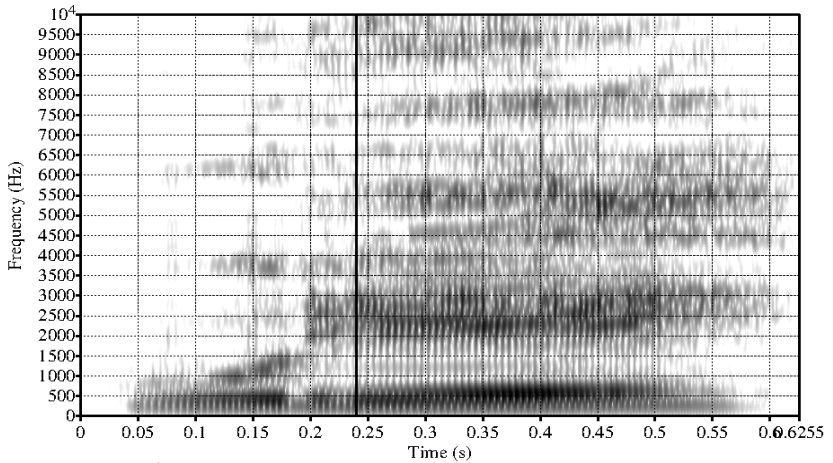
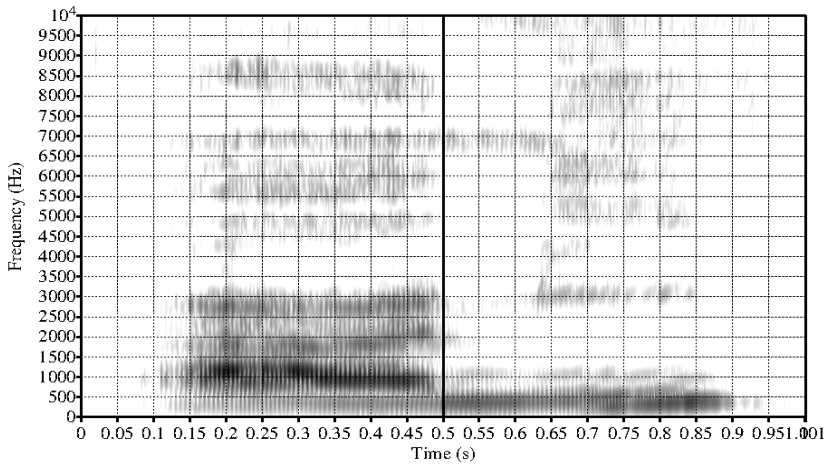

Рисунок 24. Слово /e:ha/ 'глаз'

к у р е:

Рисунок 25. Слово /кур:/ 'загон'

а: м і:

Рисунок 26. Слово /а:мі:/ 'спать'

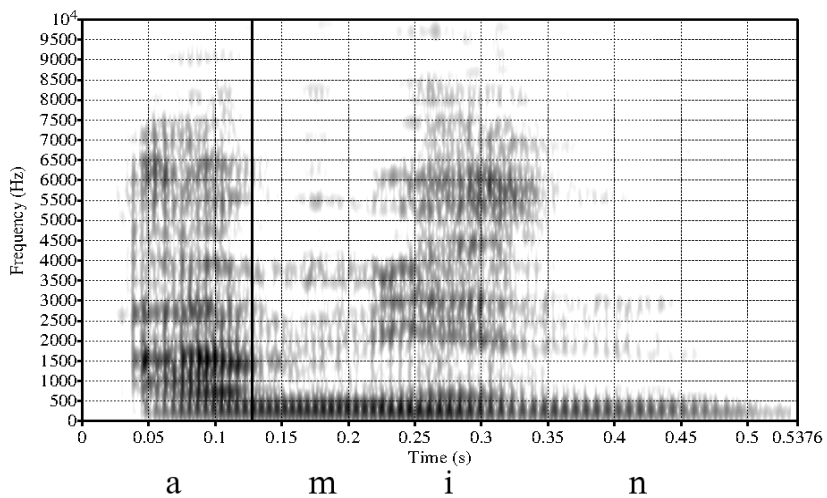

Рисунок 27. Слово /amin/ 'отец'

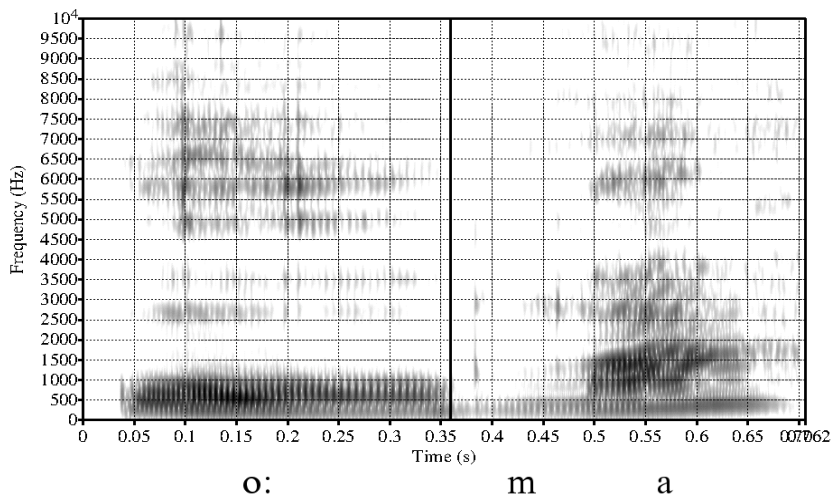

Рисунок 28. Слово /o:ma/ 'пресная лепешка'

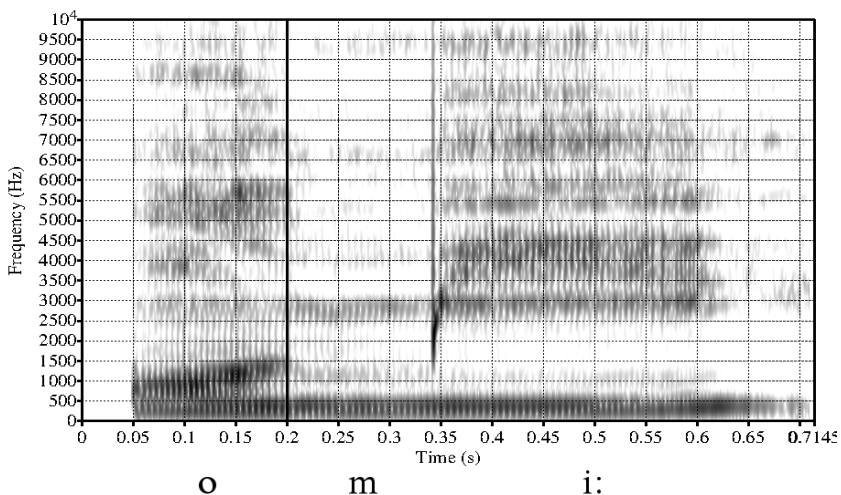

Рисунок 29. Слово /omi:/ ‘душа’

/u/ – огубленный краткий гласный высокого подъема широкой разновидности (F1 451 Гц), заднего продвинутого вперед ряда (F2 1053 Гц), средняя длительность – 95 мс. Встречается во всех позициях в слове: /umi:/ ‘пить’, /uluki:/ ‘белка’, /uɣu:n/ ‘копыто’, /tuɣuʃun/ ‘короб для хранения предметов для рукоделия’, /tuɣu/ ‘дощечки для привязывания ребенка к выюку’ (рис. 31), /kure:/ ‘загон, изгородь’. Как и в предыдущих случаях с долгими гласными и их краткими парами, признак долготы выражается, помимо длительности, разницей в формантных значениях, свидетельствующей о разных грациях подъема и ряда.

/æ:/ – неогубленный долгий гласный переднего ряда низкого подъема узкой разновидности, средняя длительность – 268 мс. В литературном эвенкийском – это огубленный долгий гласный центрально-заднерядный сильно выдвинутый вперед /z:/ [Гулимова, 1982, с. 109]. Реализуется только в мягкорядных словоформах. В селемджинском говоре после мягких согласных фонем (/ni/, /di/, /ʃ/) и мягких аллофонов согласных фонем (напр., [ɲ], [sʲ], [kʲ], [rʲ]) зарегистрирован аллофон [æ:] (как русский /a/ после мягких согласных), например, ‘кровь’ [sæ:ksæ] (рис. 32) (ср. лит. /sz:ksz/ ‘кровь’), формантные характеристики которого в среднем зафиксированы в области F1 860 Гц, F2 1785 Гц, например, /ɲz:ri/ ‘свет’, /nz:li/ ‘нагрудник’, /kɛdɜz:/

‘скребок с деревянной ручкой’. На исследуемом материале селемджинского говора выявлено, что дистрибуция гласного /æ:/ в данном говоре ограничена. В абсолютном начале слов, например, ‘звать’ эрймй (лит. /z:ti:mi:/) и после твердых согласных, например, в последнем слоге слова ‘коренной житель’ (лит. /biβkz:/) и тому подобных примерах реализуется гласный [a:]: [a:ti:mi:], [biβka:]. Средняя длительность указанных реализаций составила 149 мс – промежуточное значение между длительностью долгого /a:/ и краткого /a/. Не исключено, что речь идет о замене фонемы /æ:/ на фонему /a:/, однако на данный момент в этом дискуссионном вопросе рано ставить точку.

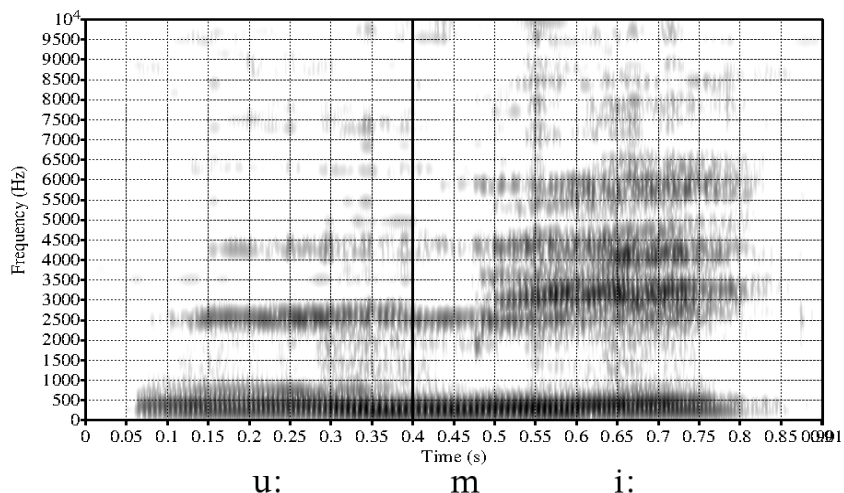

Рисунок 30. Слово /u:mi:/ ‘скоблить кожу’

/z/ – неогубленный краткий гласный среднего подъема узкой разновидности (F1 514 Гц), центрального ряда (F2 1431 Гц), средняя длительность – 68 мс. Дистрибуция позицией в слове не ограничена: /zpmi:/ ‘прийти’ (рис. 33), /zɪ/ ‘это’, /zɪki:/ ‘коричневая лягушка’, /zɛ:n/ ‘течение’, /tzi:/ ‘одежда’, /sɜp/ ‘карман’, /hɜki/ ‘брюки’, /ju:ktɜ/ ‘родник’.

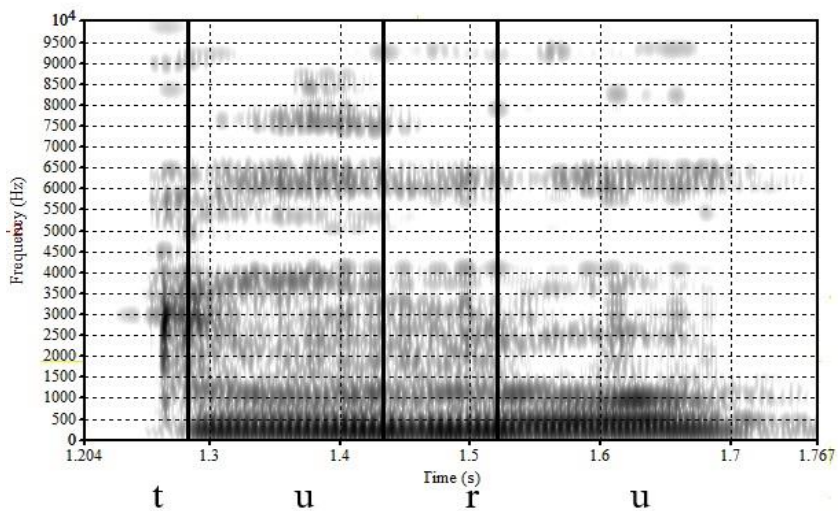

Рисунок 31. Слово /tuɪu/ ‘дощечки для привязывания ребенка к выюку’

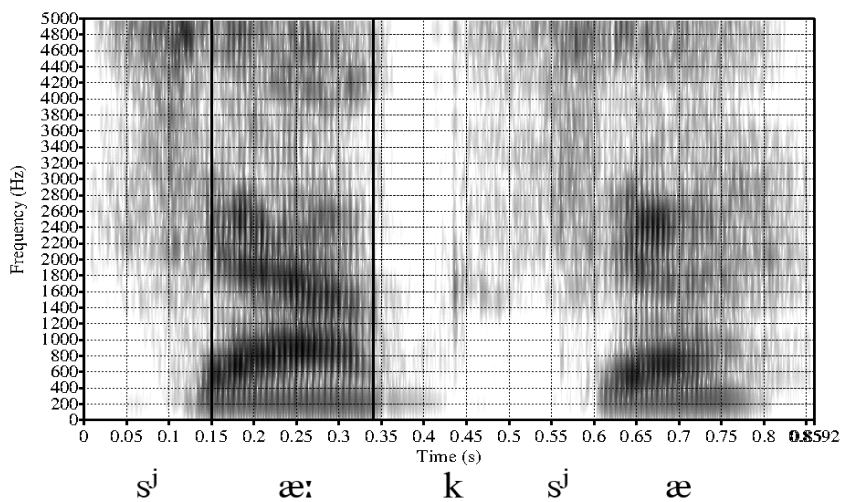

Рисунок 32. Слово /sʒ:ksʒ/ ‘кровь’

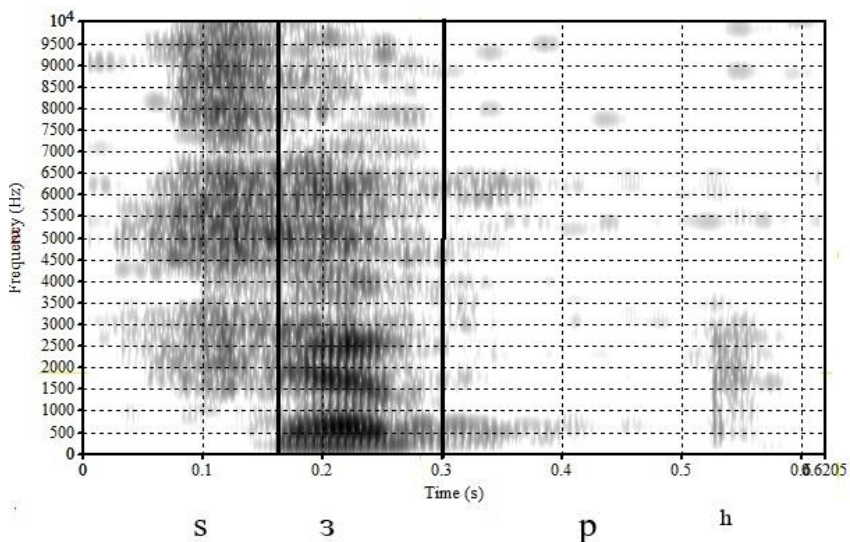

Рисунок 33. Слово /sʒp/ 'карман'

Фонетическое портретирование интонационных черт, присущих селемджинскому эвенку позволило сделать следующие выводы. Главное, что сразу отмечается в интонации диктора – это *монотонность* звучания его голоса. На интонограмме, показывающей модуляции частоты основного тона (см. рис. 34), отчетливо виден *узкий диапазон*, в пределах которого реализуются интонационные кривые повышения и понижения мелодического контура. Пример трёхсловной императивной конструкции с глаголом в середине (напр., *Ѓэнэксѣ дявагѣт гидалавѣ!* 'Пойдѣм, поймаем стрекозу!'), показывает общее восходяще-нисходящее движение: два слова реализованы с инклинацией на каждом, а третье – с деκлиацией, при этом первые два слова находились примерно на одном уровне. Интонационный контур мелодики обладает *центростремительным характером*, не выходя более чем на одну музыкальную секунду вверх и вниз от шкалы, показывающей отметку в 8 полутонов. И только на заключительном слове фразы *...гидалавѣ!* '...стрекозу!', контур «срывается вниз» на 9 полутонов в силу императивного характера высказывания. В целом, интонация диктора была однообразной,

с отсутствием крутых взлетов и падений, что является нормой для агглютинативного эвенкийского языка с силу необходимости четкого проговаривания суффиксальных морфем. Кроме того, мы не зафиксировали в его речи интонацию «ступенями». Тенденция, где каждый слог получает собственное мелодическое оформление, также не отмечена.

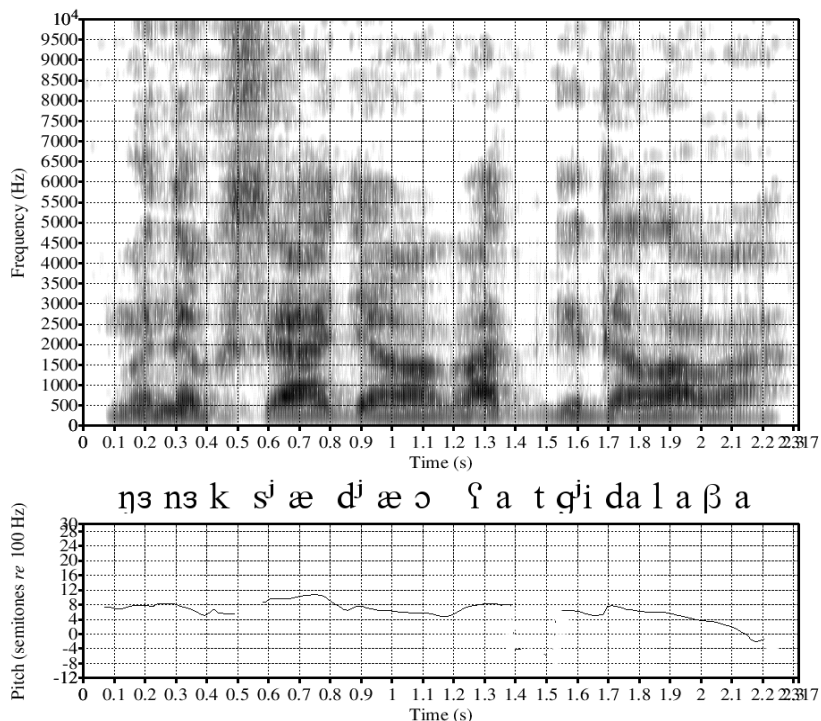

Рисунок 34. Трехсловная императивная конструкция с глаголом в середине типа «инклинация+инклинация+деклинация» *Нэнэксэ дявагāt гидалавā!* 'Пойдем, поймем стрекозу!'

Таким образом, при описании фонетического портрета селемджинского эвенка были выявлены следующие индивидуальные фонетические явления в системе согласных и гласных.

1. Отсутствие придыхания у смычных глухих, основным признаком для различения пар /p/-/b/, /t/-/d/, /k/-/g/ является поведение голосовых свя-

зок. Если ранее экспериментальные исследования фиксировали нерелевантность работы голосовых связок при противопоставлении эвенкийских фонологически глухих и звонких согласных [Матусевич, 1960, с. 134], то в настоящее время при характеристике эвенкийского консонантизма именно этот параметр следует считать акустическим коррелятом данного дифференциального признака. В целом, консонантизм селемджинского говора эвенкийского языка разворачивается по пути озвончения под влиянием русского языка, в котором консонантная система базируется на оппозиции по глухости/звонкости. Зафиксирована широкая вариативность шумных смычных согласных по признакам способа образования преграды и глухости-звонкости.

2. Эксперимент подтвердил наличие внутридикторской вариантности в реализации эвенкийских мягких фонем на месте букв «ч» и «д». Каноническая аффриката /tʃ/ не реализуется в речи портретируемого. Конкурирующими можно назвать аффрикату [tʃʲ] и альвеолярно-палатальную аффрикату [tɕ], а также слабоинтенсивные аффрицированные мягкие зубные реализации [tʃʲ]. Это, несомненно, объясняется исчезающим статусом эвенкийского языка в целом и уязвимым положением селемджинского говора – в частности. В этой связи необходимо удвоить усилия по документированию звучащей речи селемджинских эвенков, выработке свода норм, работающих именно для данного говора, и внедрению этих норм в преподавание эвенкийского языка.

3. Противопоставление долгих и кратких гласных, которое поддерживается различиями по качеству. Полученные результаты не совпадают с более ранними данными [Константинова, 1964, с. 7] о том, что различия носят только количественный характер. Сравнение средней длительности фонологически долгих гласных и их кратких пар показывает значительную разницу – долгие более, чем в два раза длительнее кратких. Полученные результаты свидетельствуют о том, что длительность в парах /i:/–/i/, /u:/–/u/, /o:/–/o/, /a:/–/a/, безусловно, является ведущим коррелятом дифференциального признака «долгота», а качественные различия, предположительно, являются сопутствующими коррелятами.

4. Произнесение гласных [a:] (в абсолютном начале слов и после твердых согласных) и [æ:] (после мягких согласных) на месте долгого гласного центрального ряда среднего подъема /ɜ:/. Вероятно, такая реализация может привести или даже уже привела в речи диктора-селемджинца к замене фо-

немы /з:/ на фонему /а:/, о чем свидетельствуют неоднократные упоминания об «акающем» характере селемджинского говора [Булатова, 1987, с. 13]. Следует особо отметить, что в ходе записи словарного материала диктор испытывал затруднения при озвучивании словоформ, письменная форма которых отражает нормативный «экающий» вариант произношения, который свойственен литературному эвенкийскому языку.

5. Специфическая черта интонационного портрета селемджинского эвенка – узкий мелодический диапазон звучания, который обуславливал монотонность его голоса. В целом, по характеру своей коммуникации с сородичами диктор очень сдержан и немногословен. Как показывает опыт экспедиций в эвенкийские стойбища к охотникам-оленоводам, люди, проводящие много времени в тайге, несловоохотливы, говорят очень кратко и только по делу. Отсутствие частой коммуникации с сородичами обуславливает простоту, незатейливость интонации, «голосовую неприметность» в фонетическом портрете нашего диктора. В целом же, размеренная, монотонная, речитативная речь является нормой для говорящих на эвенкийском языке [Морозова, 2021, с. 344].

2.3. Фонетический портрет синьшэнского орочона

Ниже представляем вниманию читателя фонетический портрет носителя юго-восточного (бирарченского) говора ороchonского языка (Малый Хинган). Диктор относится к старшему поколению свободно говорящих на родном языке ороchonов (60+), проживающих в двух часах езды от приграничного китайского г. Хэйхэ (провинция Хэйлунцзян, КНР). Является знатоком ороchonских фольклорных сюжетов. Принимает активное участие в общественной жизни ороchonского общества: проводит мастер-классы по традиционной культуре синьшэнских ороchonов, принимает делегации образовательных и туристических организаций, как китайских по внутреннему туризму, так и международных. В 2017 г. участвовал в эксперименте по изучению артикуляторных характеристик ороchonского языка в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований при кафедре иностранных языков Амурского государственного университета.

Артикуляторные характеристики речи ороchonа изучались на основе JPG-изображений сагиттальных плоскостей речевого тракта (томограмм), что отличает данную методику портретирования от акустической. Подписывая

рисунки, мы использовали транскрипционную запись (основанную на МФА) ороchonских слов Хань Юфэнь и Мэн Шусянь [Хань, Мэн, 1993]. Ниже рассмотрим общие и уникальные черты реализации консонантной системы в речи синшэнского ороchона. Артикуляционно-акустическое описание согласных в его речи говорит нам о следующем.

Фонема /m/ – губно-губной смычный носовой сонант. Встречается во всех позициях реализации: /mo:/ ‘дрова’, /imapa/ ‘снег’, /tʰammaxsa/ ‘туман’, /kiramna/ ‘кость’, /tiram/ ‘толстый’, /tʃalum/ ‘полный’, /ɲunu:m/ ‘длинный’. При произнесении согласного [m], представленного на рисунке 35, смычка образуется путем смыкания нижней и верхней губ с последующим внезапным, путем взрыва, размыканием. На полученном изображении зафиксирован момент смыкания губ. Нёбная занавеска опущена, что характеризует согласный как носовой сонант. Язык продвинут вперед и приподнят до среднего уровня. Средняя-задняя часть спинки языка несколько больше поднята к нёбу, чем передняя.

Фонема /pʰ/ – шумный смычный губно-губной сильный (= придыхательный, аспирированный) согласный. Согласный /pʰ/ встречается в позициях начала и середины слова: /pʰa:ra/ ‘нарты’, /pʰitʃʰa:wun/ ‘пиццалка’, /tʰunpʰu:n/ ‘таз’, /sarʰu/ ‘палочки для еды’. Согласный [pʰ], аналогично представленному выше [m], реализуется путём смыкания верхней и нижней губ и последующего их размыкания посредством взрыва, однако относится не к носовым сонантам, а к ротовым согласным, так как при его произнесении небная занавеска не опущена (см. рис. 36). Основная масса языка расположена в средней части ротовой полости, кончик языка направлен к альвеолам. Расстояние между спинкой языка и нёбом такое же, как и при произнесении согласного [m]. Средняя часть спинки языка приподнята, а задняя заметно больше, по сравнению со звуком [m], отодвинута назад, что свидетельствует о веляризации рассматриваемого гласного. Как известно, у губных согласных имеется второй заднеязычный фокус. В представленной реализации согласного [pʰ] это выражено в большей степени, чем у [m]. Кроме того, язык определённым образом сжат в комок.

Рисунок 35. Томограмма реализации
смычного губно-губного носового сонанта
[m̃] в слове тээ ‘дерево’

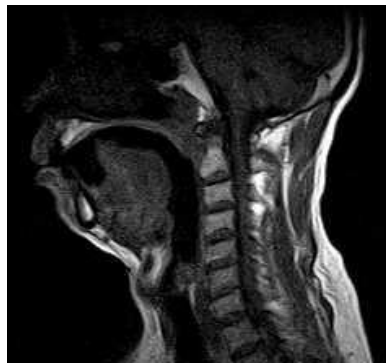

Рисунок 36. Томограмма реализации глухого
смычного взрывного губно-губного
придыхательного [pʰ] в слове оорол ‘землянка’

Рисунок 37. Томограмма реализации
звонкого смычного взрывного губно-губного
непридыхательного [p] в слове реэ из слова
рееда ‘луна’

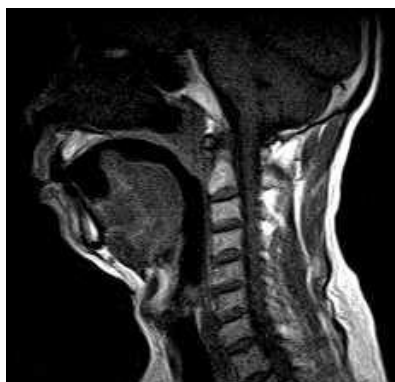

Рисунок 38. Томограмма реализации глухого
смычного взрывного билабиального
ретрофлексного [tʰ] в слове итап ‘достаточно’

Фонема /p/ – шумный смычный губно-губной слабый (= непридыхательный, неаспирированный) согласный. Согласный /p/ встречается в позициях начала слова и середины слова: /ро:на/ ‘град’, /риҭаха:н/ ‘река’, /ро:ган/ ‘большая гора’, /ри:/ ‘ты’, /рзјип/ ‘олень’, /улзртз:н/ ‘пепел’, /пalti/ ‘родственник’ [Сопоставительные характеристики..., 2019, с. 174]. При произнесении гласного [p] (см. рис. 37), мягкое нёбо поднято – звук реализуется как носовой.

Смычка образуется путём смыкания губ. Язык поднят к твердому нёбу чуть выше среднего уровня. Расстояние между спинкой языка и нёбом равномерно на всем его протяжении. Кончик языка направлен к нижним зубам, задняя часть спинки языка в большей степени, чем у звука [r^h] отодвинута назад; в целом площадь языка визуальнее больше по сравнению с глухой парой – впечатления, что язык сжат в комок не создается. Ожидаемый второй заднеязычный фокус не выражен.

Фонема /t^h/ – переднеязычный апиальный смычный сильный (= придыхательный, аспирированный) согласный. Смягчается перед гласными переднего ряда. Встречается в позициях в начале слова и середины слова, например: /t^hixtz/ ‘дождь’, /t^hamnaħsa/ ‘туман’, /o:sixt^ha/ ‘звезда’, /uɣxt^hz/ ‘мелкий дождь’. На рисунке 38 представлена томограмма звука [t^h]. На изображении видно, что во время произнесения данного звука мягкое нёбо поднято, что обуславливает его неносовой характер. На МР-томограмме кончик языка направлен к альвеолам, но не сомкнут с ними, что свидетельствует о том, что снимок был произведен в момент размыкания смычки. Средняя и задняя части спинки языка приподняты к мягкому нёбу.

Фонема /t/ – переднеязычный смычный слабый (= непридыхательный, неаспирированный) апиальный согласный. Встречается во всех позициях, кроме препозиции к согласному и в конце слова. Примеры реализации: /ti:l/ ‘голова’, /tilaɟ^ha:/ ‘солнце’, /ztiŋ/ ‘ветер’, /axti/ ‘ветер’, /k^hatar/ ‘скала’, /ɟzxtz/ ‘горелое место’, /utun/ ‘дождь’. Согласный [t], представленный на рисунке 39, является ротовым звуком, так как мягкое нёбо поднято. Фокус артикуляции данного звука по сравнению с [t^h], сдвинут вперед – смычка образуется кончиком языка в области верхних зубов, а не в альвеолярной области. Средняя часть спинки языка ровная, расстояние между ней и твердым нёбом составляет около одной четвертой объёма ротовой полости. Раствор рта немного больше, чем при произнесении звука [t^h]. При сравнении двух согласных вновь создается впечатление, что язык сжат в комок у глухого по сравнению со звонким – у последнего площадь языка явно больше.

Фонема /t^h/ – среднеязычная сильная (= придыхательная, аспирированная) аффриката. Встречается во всех позициях, кроме конца слова и препозиции к согласному. Примеры употребления в слове:

/ʃʰafʰage/ ‘важенка’, /pʰifʰa:wun/ ‘пищалка’, /tilafʰa:/ ‘солнце’, /kiwʃʰz:n/ ‘косуля’, /ʃʰuʃʰu: / ‘пуп’¹.

Фонема /ʃʰ/ – среднеязычная слабая (= непридыхательная, неаспираторованная) аффриката. Примеры употребления в слове: /amufʃʰ/ ‘озеро», /ʃʰzxtʃʰ/ ‘горелое место’, /ʃʰolo/ ‘камень’, /ʃʰu:ʃʰ/ ‘два’, /ʃʰa:n/ ‘десять’. При произнесении звука [ʃʰ] нёбная занавеска поднята, что обуславливает его неносовой характер (см. рис. 40). Также, как и в случае с орочонским звуком [t], смычка образуется путем смыкания кончика языка с верхними зубами. Однако на томограмме видно, что средняя часть спинки языка не приближена к твёрдому нёбу, что свидетельствует о полном отсутствии палатализации. Раствор рта при произнесении [ʃʰ] такой же, как и у звука [t].

Рисунок 39. Томограмма реализации слабого смычного взрывного апикального [t] в слове jata ‘худой’

Рисунок 40. Томограмма реализации слабой взрывной апикальной аффрикаты [ʃʰ] в слове ʃʰakta ‘рис’

Фонема /s/ – переднеязычный щелевой апикальный плоскощелевой сильный согласный. Выделяются два основных аллофона данного согласного, один из которых [ɕ] – среднеязычный плоскощелевой, реализующийся перед гласными переднего ряда, например, [ɕiɕ] ‘суп’, [ɕi:]

¹К сожалению, по техническим причинам мы не получили томограмму данной среднеязычной фонемы.

‘ты’, [ci:xsz] ‘вечером’, [ce:n] ‘ухо’. Второй аллофон [s] – переднеязычный плоскощелевой, встречается в препозиции к гласным непереднего ряда. Примеры реализации: [su:] ‘вы’, [szlz:] ‘железо’, [sz:xsz] ‘кровь’, [saŋpʰan] ‘дым’, [ixsa:n] ‘иней’, [so:gz] ‘горный’. В диалекте Орочонского хошуна конечный /s/ не зафиксирован, он имеется в говоре ороочонов Большого Хингана, например, [agamus] ‘длинные наколенники’.

Фонема /s/ артикулируется как двухфокусный щелевой согласный звук [ʃ], поскольку при его произнесении образуются две щели, два шумообразующих фокуса – в передней и задней частях полости рта (см. рис. 41). Передний фокус согласного образован поднятием передней части спинки языка к альвеолам и передней части твердого нёба. Задний фокус образован оттягиванием задней части спинки языка по направлению к мягкому нёбу. Средняя часть спинки языка ровная. Нёбная занавеска поднята, что характеризует звук как неносовой. Раствор рта при произнесении [ʃ] небольшой, но чуть более широкий, чем у звуков [tʰ] и [t].

Фонема /l/ – переднеязычный апикальный щелевой сонант. На слух воспринимается как «европейский» /l/ немецкого или французского типа. Примеры: /silz/ ‘суп’, /ti:l/ ‘голова’, /tʰaluna/ ‘молния’, /tilaʃʰa:/ ‘солнце’. Согласный [l], представленный на рисунке 42, образуется путем смыкания кончика языка с верхними зубами. При артикуляции язык поднят невысоко, передняя часть его спинки немного вогнута, средняя и задняя части, напротив, выгнуты и слегка оттянуты по направлению к мягкому нёбу, придавая звуку веляризованный характер. Несмотря на наличие смычки в передней части ротовой полости, звук является щелевым, так как при его произнесении струя воздуха проходит вдоль боков напряженного языка, которые при этом немного опускаются (о чем свидетельствует вогнутая передняя часть спинки языка). Нёбная занавеска закрыта, что исключает носовой резонанс согласного. Раствор рта небольшой, аналогичный тому, что наблюдается при произнесении ороочонского [ʃ].

Рисунок 41. Томограмма реализации глухого щелевого дорсального [ʁ] в слове sæksə 'кровь'

Рисунок 42. Томограмма реализации щелевого какуминального бокового плавного сонанта [ʎ] в слове uʎə 'мясо'

Рисунок 43. Томограмма реализации сильного придыхательного смычного взрывного глубокозаднеязычного [kʰ] в слове kʰumkʰə 'вошь'

Рисунок 44. Томограмма реализации слабого смычного взрывного заднеязычного [k] в слове kɪp 'прохладный'

Фонема /kʰ/ – заднеязычный смычный сильный (= придыхательный, аспирированный) согласный. Примеры реализации: /kʰatar/ 'скала', /kʰotʰo/ 'нож', /ʃʰimikʰi/ 'палец', /uŋkʰo:/ 'сильный дождь', /kʰzwz:/ 'болото', /kʰira/ 'подножье горы', /kʰoŋaga/ 'ущелье'. При артикуляции согласного [kʰ], изображённого на рис. 43, нёбная занавеска закрыта, поэтому звук

является носовым. Фокус согласного образован путем смыкания средней и задней частей спинки языка с мягким нёбом и задней частью твердого нёба. Тело языка в целом оттянуто назад и снова сжато, кончик языка расположен напротив нижних зубов, но находится на значительном расстоянии от них. Передняя часть спинки языка не соприкасается с твердым нёбом.

Фонема /k/ – заднеязычный смычный слабый (= непридыхательный, неаспирированный) согласный. Примеры употребления: /kɪrɑmna/ ‘кость’, /kiwʃ^hz:n/ ‘косуля’, /sirki/ ‘галька’ /urke:l/ ‘водоворот’, /зктэз рiрɑ/ ‘большая река’. Согласный [k] (см. рис. 44) произносится при закрытой нёбной занавеске, поэтому не является носовым. Смычка согласного образуется средней частью языка и границей между твердым и мягким нёбом. Тело языка визуальнo большей площади, чем у сильной пары, занимает основную часть ротовой полости, задняя часть его спинки оттянута назад, но в меньшей степени, чем при произнесении [k]. Кончик языка направлен к нижним зубам, но не касается их – расстояние между ними значительно меньше аналогичного для [k]. Передняя часть спинки языка в меньшей степени отстоит от твердого нёба, чем у глухого [k]. Раствор рта чуть больший, чем в случае с [k].

Фонема /j/ – среднеязычный щелевой звонкий сонант. Реализуется во всех позициях слова. Примеры реализации: /jo:kun/ ‘горная вода’, /рзju:n/ ‘олень’, /aja/ ‘хороший’, /tala:j/ ‘море’. На рисунке 45 представлена томограмма согласного [j]. При его произнесении мягкое нёбо поднято, что обуславливает носовой характер звука. Звук произносится путем максимального сближения передней и средней частей спинки языка с твердым нёбом. При этом кончик языка направлен к передним зубам, но не касается их. Тело языка заполняет почти весь объем ротовой полости.

Фонема /r/ – переднеязычный дрожащий сонант. В начальной позиции не встречается. В интервокальной позиции в своем большинстве одноударный, нередко встречаются щелевые оттенки /r/. В конце слова часто оглушается и имеет раскатистый характер. Примеры реализации: /kɪrɑmna/ ‘кость’, /tɪrɑm/ ‘толстый’, /so:rz/ ‘горный’, /ʃ^hчп^hу^hг^h:/ ‘пуп’, /ʃ^hɑʃ^hɑre/ ‘важенка’, /urx^ht^hz/ ‘мелкий дождь’, /ʃu:r/ ‘два’, /k^hɑtɑr/ ‘скала’. На томограмме, представленной на рисунке 46, реализуется согласный [r]. На рисунке видно, что проход в носовую полость открыт, что

свидетельствует о назализованном характере согласного у диктора настоящего исследования. На анализируемом рисунке язык продвинул вперед, передняя и средняя части его спинки высоко подняты к твердому нёбу, задняя часть ровная, не оттянута назад. Кончик языка находится у верхних зубов. Значительная выгнутость и высокий подъем средней части языка указывают на палатализованность согласного. Раствор рта при произнесении [ɣ] больше, чем у других сонантов.

Рисунок 45. Томограмма реализации среднеязычного щелевого плавного сонорного [j̃] в слове реја 'человек'

Рисунок 46. Томограмма реализации мгновенно-преградного щелевого сонанта [ɣ̃] в слове игэ 'гора'

Фонема /n/ – переднеязычный смычный носовой сонант дорсального образования. Перед гласными переднего ряда палатализации не подвергается. В ауслaute реализация /n/ всегда импловивна. Примеры реализации: /natan/ 'семь', /tʰɯŋɯŋɯŋi:/ 'пятьдесят', /tʰaluna/ 'молния', /nʰɯŋɯŋ/ 'шесть'. Фокус согласного [n], изображенного на рисунке 47, образуется смыканием передней части спинки языка с альвеолами и передней частью твердого нёба. Смыкания с верхними зубами нет. Язык, в целом, продвинул вперед, средняя и задняя его части слегка выгнуты. Раствор рта небольшой, близок к описанным выше переднеязычным звукам.

Фонема /ŋ/ – заднеязычный смычный носовой сонант. Палатализуется перед гласными переднего ряда. Встречается во всех позициях слова.

Примеры реализации: /tʰuŋŋaŋi:/ ‘пятьдесят’, /ŋa:la/ ‘рука’, /uŋkʰo:/ ‘сильный дождь’, /maŋŋe:/ ‘бес, злой дух’, /ro:ŋ/ ‘нечистая сила, чудище’. Фокус согласного [ŋ] (см. рис. 48) образуется смыканием задней части спинки языка с мягким нёбом. Тело языка отодвинуто назад, средняя и задняя его части сильно выгнуты. Передняя часть языка немного отстоит от твёрдого нёба, кончик языка расположен у нижних зубов, но не касается их. Нёбная занавеска опущена, поэтому звук является носовым. Раствор рта больше, чем у [n].

Фонема /ni/ – переднеязычный смычный носовой палатализованный сонант. Оглушению /ni/ не подвергается. Не употребляется в конце слова. Примеры реализации: /niʼaŋa/ ‘небо’, /ni:/ ‘кто’, /aŋŋaŋi:/ ‘год’. Согласный [ni], представленный на рисунке 49, является смычным, что, соответственно, выражено смыканием передней части спинки языка с верхними зубами, альвеолами и передней частью твёрдого нёба. При весьма схожей площади касания нёба, ширина языка меньше, чем у [n] (см. рис. 47) и он больше продвинут вперед. В отличие от [n] средняя и задняя части спинки языка ровные, невыпуклые. Раствор рта такой же, как у [n].

Рисунок 47. Томограмма реализации смычного дорсального носового сонанта [n] в слове alkan ‘нога’

Рисунок 48. Томограмма реализации смычного заднеязычного носового сонанта [ŋ] в слове ɣo ‘вонять, дурно пахнуть’

Рисунок 87. Томограмма реализации смычного дорсальный носового сонанта [ŋ] в слове *цапа* 'светло'

Рисунок 88. Томограмма реализации щелевого губно-губного плавного сонанта [w] в слове *чи́инэвэ* 'вчера'

Фонема /w/ – губно-губной щелевой ротовый сонорный, артикулируемый с плоской щелью. Встречается во всех позициях реализации, например: /awuŋ/ 'воздух', /kiwŋʰɜ:n/ 'косуля', /minjɪ: kʰumaxaw/ 'мой изюбрь'. В конечной позиции слова и перед согласным фонема /w/ подвергается вокализации [kʰara^w], [ki^wʰɜ:n]. Согласный [w] является двухфокусным звуком. Первый фокус обеспечивается сближением округленных губ, второй – сближением средней части языка с твердым нёбом (см. рис. 50). При артикуляции данного звука тело языка немного сдвинуто вперед. Передняя часть спинки языка высоко поднята, но не касается твердого нёба. Кончик языка расположен у верхних зубов, однако смыкания с ними нет. Средняя часть спинки языка сильно выгнута и поднята высоко к твердому нёбу. Задняя часть языка, ближе к его корню, слегка выгнута. Нёбная занавеска закрыта, поэтому звук не имеет носового резонанса.

Фонема /x/ – заднеязычный щелевой сильный согласный. Дистрибуция ограничена срединной и конечной позициями слова. В начальной позиции данного согласного зафиксировано не было. Примеры реализации: /riŋaxa:n/ 'река', /ata:xi/ 'паук', /sɜ:xɜsɜ/ 'кровь', /si:xɜsɜ/ 'вечером', /urɜxtʰɜ/ 'мелкий дождь', /ixsa:n/ 'иней', /ulo:x/ 'обманщик; ложь'. Фокус согласного [x], изображенного на рисунке 51, образуется при участии задней части спинки языка, которая, сближаясь с задней стенкой гортани, образует преграду для струи воздуха. На томограмме язык отодвинут назад, его задняя часть выгнута и оттянута к глотке. Средняя часть спинки языка ровная, значительно отстоит от твердого нёба, передняя – касается верхних зубов, что в данном случае обусловлено коартикуляцией со следующим за [x] долгим [i:].

Рисунок 51. Томограмма реализации глухого щелевого [x] в слове ahп 'женщина'

Ниже представлены данные анализа артикуляторных характеристик долгих гласных в речи синьшэнского орофона.

Фонема /a:/. На рисунке 52 реализован долгий неогубленный гласный [a:] полунизкого подъема, центрального отодвинутого назад ряда. Расстояние между языком и твердым нёбом максимальное из всех проанализированных гласных (ср. рис. 52 с рис. 53–57), что соответствует его описанию как самого открытого среди гласных орофонского языка. В горизонтальной плоскости язык расположен достаточно равномерно по отношению к двум противопоставленным точкам артикуляционного аппарата – зубам и увуле. Задняя часть спинки языка немного смещена назад к мягкому нёбу. Кончик языка опущен к нижним зубам.

Фонема /ɔ:/. На рисунке 53 представлена реализация долгого огубленного гласного полунизкого подъема, глубокого заднего ряда. В отличие от предыдущего гласного, вся спинка языка наклонена по направлению к нижним зубам, в результате чего раствор между передней частью спинки языка и верхними зубами несколько больше, чем при произнесении гласного [a:], раствор между задней частью спинки языка и нёбом, соответственно, меньше. Большая площадь задней части спинки языка отодвинута назад по сравнению с [a:]. Огубленность выражена заметно больше по сравнению с [a:]. Таким образом, разница между двумя указанными гласными по подъему, ряду и огубленности достаточно четко выражена на представленных сагиттальных плоскостях.

Рисунок 52. Томограмма реализации фонемы /а:/ в слове *итак* 'костный мозг'

Рисунок 53. Томограмма реализации фонемы /о:/ в слове *тоо* 'дерево'

Фонема /u:/. На рисунке 54 представлена реализация долгого огубленного гласного высокого подъема, заднего ряда. Гласный [u:] реализуется при узком растворе рта. По сравнению с огубленным орочонским [ɔ:], у данного гласного губы еще больше округлены, образуя максимально узкое выходное отверстие. Язык в целом оттянут назад, кончик языка опущен и довольно далеко отстоит от нижних зубов. Передняя часть спинки языка несколько опущена и не соприкасается с нёбом. Расстояние между языком и твердым нёбом значительно меньше, чем в случае с гласными [a:] и [ɔ:]. Средняя и задняя части спинки языка притянуты к нёбу и задней части глотки.

Фонема /i:/. На рисунке 55 представлена реализация долгого неогубленного гласного высокого подъема, переднего ряда. Данный гласный, также, как и [u:] реализуется при узком растворе рта. Передняя и средняя части спинки языка максимально высоко подняты к нёбу и альвеолам по сравнению с другими гласными настоящего исследования (ср. рис. 55 с рис. 52–54, 56, 57). Язык значительно продвинут вперед. Кончик языка направлен к верхним зубам. Расстояние между задней частью спинки языка и задней стенкой глотки самое большое по сравнению с другими гласными орочонского языка.

Рисунок 54. Томограмма реализации фонемы /u:/ в слове *тиш* 'вода'

Рисунок 55. Томограмма реализации фонемы /i:/ в слове *мига* 'плечо'

Фонема /e:/. На рисунке 56 представлена реализация долгого неогубленного гласного полувысокого подъема, переднего ряда. Раствор рта при произнесении звука [e:] несколько больший, чем в случае с гласными высокого подъема [u:] и [i:], однако эта разница минимальна. Язык продвинул вперед, но расстояние между задней частью спинки языка меньше по сравнению с аналогичным параметром при реализации [i:]. Это может быть компенсацией недостаточно хорошо выраженной разницы по подъему. Передняя и средняя части спинки языка приближены к твердому нёбу и альвеолам, кончик языка направлен к нижним зубам.

Фонема /з:/. На рисунке 57 представлена реализация неогубленного гласного полувысокого подъема, центрального ряда [з:]. Исходя из представленного изображения, данному звуку характерен раствор рта средней ширины. Язык продвинул вперед, передняя и средняя части его спинки высоко подняты по направлению к твердому небу и альвеолам. Кончик языка направлен к нижним зубам. Задняя часть спинки языка несколько больше отодвинута от задней стенки глотки по сравнению со звуком [e:]. По сравнению с [e:], при реализации [з:] язык несколько более равномерно распределен в вертикальной и горизонтальной плоскостях. Вместе с тем очевидно, что чётко выраженного артикуляционного контраста между этими гласными разного ряда в горизонтальной плоскости (ожидаемое более выраженное движение назад) нет.

Рисунок 56. Томограмма реализации фонемы /e:/ в слове *mewan* 'сердце'

Рисунок 57. Томограмма реализации фонемы /z:/ в слове *matæn* 'нерв'

Что касается интонационных характеристик в фонетическом портрете ороचना, необходимо отметить тенденцию к деклинации к концу утвердительного предложения, например в *Tar pəjə əməfəə* 'Там человек пришел' (рис. 58) имеется плавная деклинация в 12 полутонов при отсутствии инклинации. При исследовании общих вопросов в речи ороchonского диктора зарегистрированы инклинационные контуры. Однако, деклинация также имела в общих вопросах, которые заканчивались вопросительной частицей -e, например, *Əri fɯi e?* 'Это дом?'.

В повелительных предложениях в интонации ороचना каждый слог получал самостоятельное мелодическое оформление, но в подавляющем большинстве случаев – деклинацию. Особенно ярко это выражено в двух- и трехсложных конструкциях. Иногда первый слог в трехсложных конструкциях был реализован ровным тоном. Однако, в своей интонации ороchon задействовал ровный тон редко и никогда не использовал инклинацию на отдельном слоге. Следовательно, ороchonской мелодике свойственна в побудительных конструкциях только деклинация.

Таким образом, при описании фонетического портрета синьшэнского ороचना были выявлены следующие индивидуальные фонетические явления в системах гласных, согласных и просодики (интонации).

1. МРТ-анализ зафиксированных артикуляций ороchonских согласных показал, что не всегда имеет место ожидаемое артикуляционное движение. Так, у [ʃ] отсутствовало движение средней части спинки языка

вверх, указывающее на палатальный характер, а у [n] и [nʲ] передняя и средняя части спинки языка прижаты к нёбу практически одинаково, хотя у второго площадь касания теоретически должна быть больше. Разница, похоже, в меньшей ширине языка и большей его продвинутости вперед.

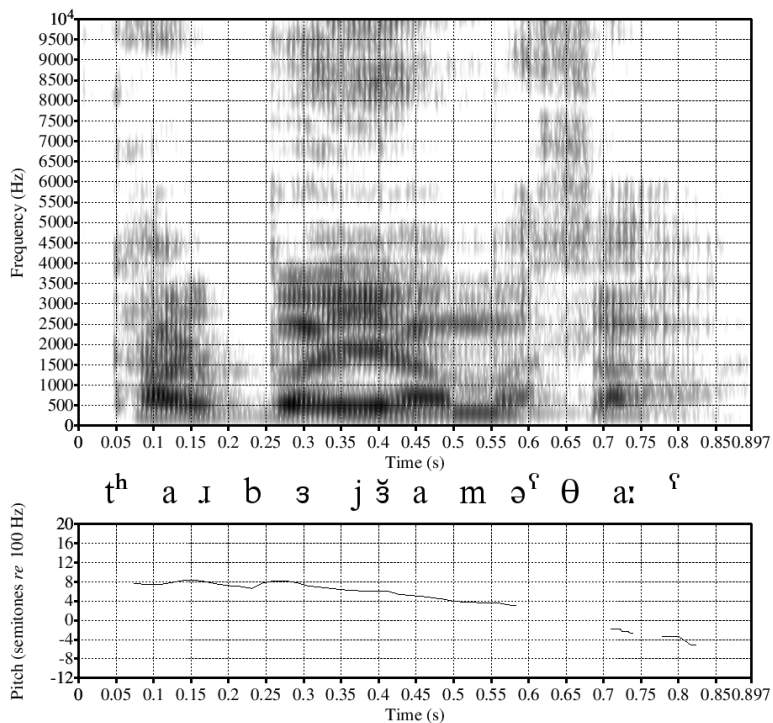

Рисунок 58. Спектрограмма и интонограмма ороchonского утвердительного предложения
Tar rəjə ətəfə ‘Там человек пришел’

2. Кроме того, выявлено, что смычные слабые (непродыхательные) и сильные (продыхательные) согласные различались большей напряженностью последних, что совершенно явно выражено на сагиттальных разрезах в том, что язык сжат в комок у всех смычных сильных (продыхательных) по сравнению со слабыми (непродыхательными) парами независимо от активного органа согласного (даже у губных). Поведение пары аффрикат [tʃ] и [tʃʰ] в этом плане еще предстоит

выяснить, поскольку по техническим причинам удалось получить сагиттальный разрез только для одной из них – [tʃ]. Поскольку слабые щелевые в фонологической системе не представлены, то получить парный анализ здесь невозможно, однако можно предположить, что при реализации сильных щелевых могут быть выявлены признаки силы артикуляции.

3. Артикуляционные движения языка по вертикали и горизонтали заметно различаются у ороchonских гласных, занимающих крайние точки соответствующих гласных цепочек: высокий подъем vs низкий, задний ряд vs передний. Однако внутри цепочки эти различия могут быть практически незаметны. Прежде всего это касается слабовыраженной разницы расположения языка по вертикали в представленных реализациях гласных фонем /i:/-/e:/, /i:/-/z:/. Для первой пары гласных разница по расположению языка по горизонтали также выражена слабо. Вместе с тем реализация гласной фонемы /o:/, которая должна по подъему совпадать с /e:/ и /z:/, заметно отличается в сторону большей открытости, что по положению языка по вертикали, скорее, сближает его с /a:/ – гласным другого (низкого) подъема.

2.4. Сравнительные характеристики звучащей речи коренного населения Верхнего Приамурья России и Китая

В данном разделе представлено сравнение двух фонетических портретов – селемджинского эвенка и синшэнского ороचना. Оба тунгуса живут в Верхнем Приамурье, им обоим более 60 лет, но их родные селения расположены в разных странах, а значит, в иной языковой контактной ситуации. Эвенк владеет родным эвенкийским, якутским и русским языками. Ороchon – родным ороchonским, китайским и дагурским. Различия в их фонетических портретах – множественные. Рассмотрим их подробнее.

1. В голосе двух тунгусов РФ и КНР имеется кардинальное отличие – это разный артикуляционный уклад произносительных органов, который в языке эвенка под влиянием русского языка стал дорсальным [Селютина, Уртегешев, Добринина, 2014], а в языке ороचना при поддержке китайского и дагурского остался апикальным (хотя и не без дорсальных реализаций).

2. Эксперимент показал более закрытую и заднюю артикуляцию соответствующих эвенкийских гласных в сопоставлении с аналогичными ороchonскими. В свою очередь, ороchonские гласные артикулируются шире

по раствору артикуляторных органов, чем аналогичные эвенкийские. Основным различием в области вокализма языков ороचना и эвенка является фонетическое соответствие ороchonского /з:/ и эвенкийского /æ:/ в словах типа /sɜ:ksɜ:/ ‘кровь’, что влечет включение языка ороचना в «экающие» тунгусские наречия, а языка эвенка – в «акающие».

3. По результатам акустического анализа выявлены фонетические факты, позволяющие отнести юго-восточный/бирарченский диалект ороचना к сибилантным диалектам северной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков, а говоры эвенка – к сибилантно-спирантным. В экспериментальном материале обнаружены признаки плоскощеливости в речи селемджинского эвенка. Общий эффект шепелявости создает плоскощелевой аллофон фонемы /s/. В ороchonском материале реализации фонемы /s/ носят плоскощелевой характер. «Щеканье» встречается у ороचना в виде свободного варьирования.

4. Зарегистрирована реализация аспирированных шумных смычных в ороchonском языке, которая отсутствовала у аналогичных эвенкийских согласных. Ороchonские пары губно-губных, переднеязычных и заднеязычных смычных согласных фонем /p^h/ – /p/, /t^h/ – /t/, /k^h/ – /k/ противопоставлены не по признаку глухости / звонкости, а по признаку придыхательности / непридыхательности, вероятно, при поддерживающем влиянии соответствующих пар инициалей доминирующего китайского языка. Данное противопоставление в портрете селемджинского эвенка не фиксируется.

5. Проведенным экспериментально-фонетическим исследованием подтверждена сохранность фонологической долготы гласных в тунгусских языках Верхнего Приамурья. Сравнение средней длительности фонологически долгих и их кратких пар в эвенкийском и ороchonском языках показывает значительную разницу между долгими и соответствующими им краткими гласными.

6. Экспериментальное исследование выявило ряд характерных черт, присущих интонационному оформлению эвенкийской и ороchonской речи. Это прежде всего сравнительно небольшой мелодический диапазон (см. рис. 59 и 60), обусловленный особенностями реализации изменений частоты основного тона, представленных контрастной последовательностью повышения и понижения тона и изменений высоты тона.

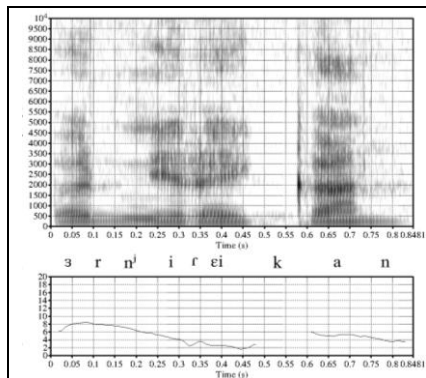

Рисунок 59. Спектрограмма и интонограмма звенкийского утвердительного предложения Эр *неройкан* 'Это ребенок'

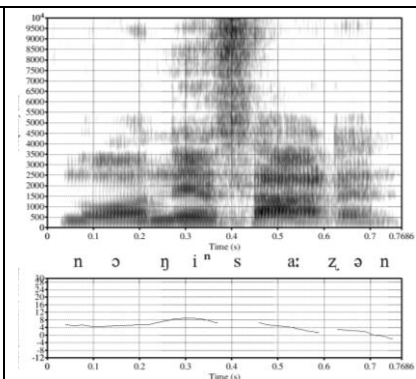

Рисунок 60. Спектрограмма и интонограмма орончского утвердительного предложения *Nəp in saarən* 'Он знает'

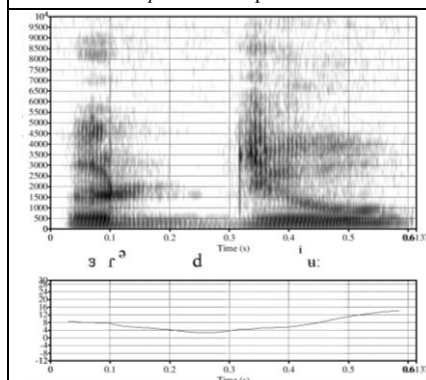

Рисунок 61. Спектрограмма и интонограмма звенкийского общего вопроса Эр *dyu* 'Это дом?'

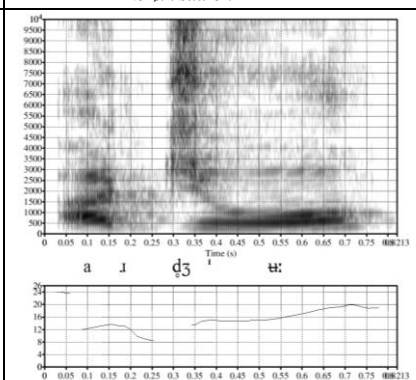

Рисунок 62. Спектрограмма и интонограмма орончского общего вопроса Эр *fyu* 'Это дом?'

Полученные интонограммы показывают преимущественно восходящий контур общего вопроса (небольшая деклинация в начале контура, за которой следует продолжительная инклинация (см. рис. 61 и 62), междикторскую вариантность специального вопроса (либо восходящее движение, как в общем вопросе, либо плавная деклинация) и контур «инклинация + деклинация» альтернативного вопроса.

7. Объективные параметры исследуемого материала свидетельствуют о том, что основной отличительной особенностью интонации в речи эвенка является наличие речитативных мелодических отрезков и небольших

восходящих и нисходящих переходов между ними. Это находит отражение в общей монотонной интонации утвердительных предложений эвенкийского языка.

8. Необходимо отметить, что деklinационное завершение (нисходящий интонационный контур) утвердительных предложений, выявленное в нашем исследовании на материале эвенкийского и ороchonского языков, является универсалией и характерно для всех языков мира. Средняя величина мелодического диапазона утвердительных предложений в эвенкийском языке составляет 8 полутонов, в ороchonском – 10 полутонов.

9. На реализацию интонационного контура эвенкийских императивных конструкций влияют факторы количества слов в синтагме и количества слогов в однословной синтагме. Наличие двух и более слов в составе синтагмы определяет явный приоритет восходяще-нисходящего движения основного тона, в то время как при однословных конструкциях имеет место и простой нисходящий тон, и восходяще-нисходящее движение. Фактор количества слогов проявляет себя и в том, что в четырехсложных словах-синтагмах превалирует деklinация, а в двух- и трехсложных оба типа тона реализуются в почти равном количестве. Однако очень вероятно, что более важную роль здесь играет порядок следования синтагм во фразе: конечные синтагмы императивных конструкций (в нашем материале – четырехсложные однословные) предполагают только деklinацию. Наконец, некоторую роль в анализируемых конструкциях играет порядок слов: расположение глагола-сказуемого в середине обуславливает самостоятельные инклинации на первых двух слогах и деklinацию на последнем. В целом в подавляющем большинстве случаев каждый слог получает самостоятельное мелодическое оформление.

10. Наблюдаются общие и отличные тенденции в реализации эвенкийских и ороchonских императивных конструкций. Самой яркой общей чертой является то, что каждый слог получает самостоятельное мелодическое оформление. Различие состоит в том, что на нашем материале ороchon не прибегал к инклинации. Общий мелодический контур эвенкийских конструкций более разнообразен по сравнению с ороchonскими, в которых присутствует только деklinация.

Таким образом, в настоящем исследовании зарегистрированы новые факты о современном состоянии фонетического строя эвенкийского и ороchonского языков, а также зафиксированы существенные интер-

ференционные изменения в речи их носителей, что приводит нас к выводам о прошлых и нынешних интенсивных контактах эвенкийско-русского сообщества с одной стороны и ороchonско-китайского – с другой.

2.5. Вопросы к материалам главы 2

1. Чем отличаются методики проведения и описания фонетических портретов селемджинского эвенка и синьшэнского ороचना?

2. Какой основной признак для различения пар смычных шумных согласных имеется в эвенкийском языке?

3. Назовите ведущую тенденцию в развитии консонантизма эвенкийского языка, которая зафиксирована в портрете эвенка?

4. Имеется ли какая-то специфика в реализации эвенкийских мягких фонем в речи эвенка? Чем это можно объяснить?

5. Чем поддерживается в речи эвенка противопоставление гласных по признаку долготы? Во сколько раз долгие гласные длиннее кратких?

6. В чем проявляется специфика «акающего» говора в произношении эвенка-селемджинца? Какое развитие может получить подобная речевая привычка? Является ли это нормой для литературного стандарта?

7. Какая особенность свойственна интонационному портрету селемджинского эвенка? Опишите его характер коммуникации с сородичами? Имеются ли в его манере общения черты, сближающие его с представителями его профессии? Если да, назовите эти черты.

8. Опишите особенности артикуляции смычных слабых (непридыхательных) и сильных (придыхательных) согласных у ороचना.

9. В чем заключается яркое различие вокальных артикуляций (гласных) у ороचना, занимающих крайние точки вокального трапецоида?

10. Назовите общие и частные тенденции в интонации утвердительных, вопросительных и побудительных коммуникативных типов предложений в речи селемджинского эвенка и синьшэнского ороचना?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционно звуковые характеристики речи говорящего изучаются для определения нормы функционирования звуковых систем в парадигматике и синтагматике. Как правило, в картине функционирования языковых единиц отмечаются факты, не выходящие за рамки нормы и не разрушающие систему. Пренебрежение данными языка, которые не попадают в обычные представления о языковой норме, стирает индивидуальное в языковом портрете личности. В данном пособии мы постарались показать, что сохранение ненормативных речевых реализаций как индивидуальных произносительных черт необходимо для характеристики фонетического портрета носителей языков трансграничного региона России и Китая.

Фонетические портреты, представленные в настоящем учебном пособии – это своеобразная хроника жизни современных тунгусских языков, фиксация диалектной нормы устной речи эвенков РФ и ороочонов КНР в её современном воплощении. Графики основного тона, спектры и артикуляционные томограммы, которые, надеюсь, помогли читателям наглядно увидеть ту или иную черту в фонетическом портрете представленных языковых личностей, продемонстрировали те свойства голоса и его модуляций, которые являются «внутренним содержанием» человека, реализующегося в языковом пространстве тунгусского приграничного российско-китайского Приамурья.

Так, речевой облик ороочона несет в себе китайскую слоговую манеру тонировать слова: каждый слог ороочонской фразы имеет отдельное мелодическое оформление. Тем самым создается особый китаизированно-тунгусский стиль речи, наполненный неповторимым колоритом. Благодаря слоговой окраске агглютинативный ороочонский язык КНР выделяется среди тунгусских языков бассейна Амура (эвенкийского, нанайского, ульчского, удэгейского). Китайская тоновая природа в современном ороочонском языке стала повсеместной нормой, она задает контраст между речью российских тунгусов и их китайских сородичей.

Фонетический портрет селемджинского эвенка говорит о его принадлежности к группе носителей «безаффрикатной» диалектной нормы. В его артикулировании слов типа *часки* 'дальше', нет аффрицированного элемента, который диктуется литературной нормой эвенкийского языка. Особое произношение слов типа *часки* 'дальше' является настолько интересным, что его можно обозначить, как самое яркое пятно портрета, на которое невозможно

не обратить внимание. В этом ценность данного портрета. Он содержит утраченное речевое явление, которое позволяет установить речевую привычку родового клана и поколения, к которому принадлежит диктор-эвенк.

Перспектива проведенного исследования видится в следующем. Во-первых, требуется широкомасштабное исследование современного состояния акцентно-ритмической и интонационной систем ороchonского языка с целью поиска трансформационных процессов на уровне просодии в условиях китaйско-орочонского билингвизма. Во-вторых, необходимо составить описание условий и механизма интонационной интерференции в русской речи эвенков в аспекте взаимодействия интонационных моделей русского и эвенкийского языков. В-третьих, следует тщательно спланировать дополнительные фонетические эксперименты для исследования сочетаний ороchonских гласных с целью решения дискуссионного вопроса о статусе ороchonских контекстуальных дифтонгов. В-четвертых, надлежит провести более глубокое изучение гармонии гласных в имеющихся диалектах ороchonского языка. Наконец, следует обратиться к данным по другим тунгусо-маньчжурским, монгольским, тюркским языкам для сопоставления с результатами, полученными в ходе настоящего исследования.

Рекомендации об использовании результатов обучения основам фонетического портретирования на речевом материале по эвенкийскому языку в сравнении с аналогичными данными по ороchonскому языку.

Выводы по фонетическому портретированию коренного населения трансграничной территории России и Китая, представленные в пособии, могут быть также использованы:

1) в курсах лингвгеографии, лингвистической экспертизы, межкультурной коммуникации, типологии, прагма-, этно- и социалингвистики, общей фонетики и фонетики тунгусо-маньчжурских языков. Результаты проведенного исследования окажутся также полезными для разработчиков лингвистических корпусов и баз данных по исчезающим языкам мира.

2) при постановке корректного произношения и при обучении говорению на данных говорах эвенкийского и ороchonского языков;

3) при разработке методик обучения эвенкийскому и ороchonскому языкам по восприятию естественной речи на материале тунгусских говоров Верхнего Приамурья России и Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андросова С. В., Андросов Е. Ю., Морозова О. Н.** Автоматический транскриптор для эвенкийского языка: сложности и решения // Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и Китае (эвенки, эвены, орочоны и другие группы) : сб. тр. Третьей международной междисциплинарной Тунгусской конференции / Благовещенск : ООО «ИПК «Одеон», 2019. С. 21–27.
- Артикуляционное описание** гласных и согласных звуков орочонского языка (по результатам МРТ) / Ю. П. Иванашко, О. Н. Морозова, Н. Я. Булатова, С. В. Андросова, А. В. Ильин // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 4. С. 36–58.
- Брызгунова Е. А.** Интонационная организация сценической речи // Русское сценическое произношение. М. : Наука. 1986. С. 151–165.
- Булатова Н. Я.** Говоры эвенков Амурской области. Материалы исследования / отв. ред. О. П. Суник ; АН СССР, Ин-т языкознания. Л. : Наука, Ленингр. Отд-ние, 1987. 168 с.
- Булатова Н. Я., Морозова О. Н., Стручков Г. А.** Звуковой эвенкийско-русско-английский тематический словарь. Звуковой русско-эвенкийско-английский тематический словарь : на материале селемджинского говора эвенкийского языка / Отв. ред. О. Н. Морозова. Благовещенск : ИПК ОДЕОН. 2017. 184 с.
- Василевич Г. М.** Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948. 353 с.
- Гулимова Г. В.** Настройка гласных полигусовского говора эвенкийского языка (по данным рентгенографирования) // Экспериментальная фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1982. С. 96–135.
- Джураева Ю. А.** Фонетическое портретирование как метод лингвистического исследования // Казанская наука. № 12. 2019. С. 101-104.
- Дьячковский Н. Д.** Звуковой строй якутского языка. Ч. 1 : Вокализм. Якутск : Якутск. книж. Изд-во, 1977 а. 192 с.
- Дьячковский Н. Д.** Звуковой строй якутского языка. Консонантизм. Ч. II. Консонантизм. Якутск : Якутск. книж. Изд-во, 1977 б. 256 с.
- Зиндер Л. Р.** Общая фонетика. М. : Высшая школа, 1979. 312 с.
- Иванова-Лукьянова Г. Н.** Особенности интонации актеров // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 106-116.

- Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М. 2010. 264 с.
- Карасик В. И.** Нормы поведения в языковой картине мира // Вопросы современной лингвистики. 2019. №4. С. 35-49.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.** Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М. 1995. 128 с.
- Константинова О. А.** Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.-Л. : Наука, 1964. 274 с.
- Котюрова М. П.** Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М. Н. Кожинной. М. :Флинта: Наука, 2003. С. 95-99.
- Крысин Л. П.** Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90-106.
- Кузнецова Л. Н.** Характерологические средства сценического произношения : автореф. дис. ... канд. искусств. наук. М. : 1976. 24 с.
- Матвеева Г. Г.** Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис.док-ра филол.наук. СПб., 1993. 322 с.
- Матусевич М. И.** Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных // Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. 1960. Вып. 40. № 237. С. 132–169.
- Морозова О. Н.** Особенности восприятия гласных селемджинского говора эвенкийского языка // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 83. № 29. 2013. С.95–100.
- Морозова О. Н.** О вариативности фонемы /р/ в говорах эвенкийского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 1 (46). С. 120–123.
- Морозова О. Н., Кравец Т. В.** Фонетический портрет селемджинских эвенков // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2017. № 2. Вып. 33. С. 52–66.
- Морозова О. Н.** Заднеязычный глухой смычный /к/ в селемджинской говоре эвенкийского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017 б. Вып. 3, № 3. С. 44–62.
- Морозова О. Н., Булатова Н. Я., Долгов В. А., Мельников И. А., Стручков Г. А.** Детский иллюстрированный эвенкийско-орочонский словарь / Отв. ред. О. Н. Морозова. Благовещенск : ИПК ОДЕОН. 2017. 53 с.

Морозова О. Н. Парадигматика и синтагматика звуковых систем тунгусских языков Верхнего Приамурья (на материале эвенкийского и ороchonского языков). Дисс..... док-ра филол. наук. Новосибирск. 2021. 484 с.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. Москва : Наука, 1990. 453 с.

Подольская О. В., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. // Русская речь. № 1, 1996. с. 120–123.

Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М. : Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. 343 с.

Промптова И. Ю. Диалектное и акцентное произношение как выразительное речевое средство драматического актера. М. : ВТО. 1972. 160 с.

Прохватилова О. А. Фонетические средства индивидуализации речи персонажей в художественном чтении ранней чеховской прозы // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16, № 4. С. 111–120. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.9>

Саричева Е. Ф. Сценическая речь. М. : Искусство. 1955. 251 с.

Селютина И. Я., Уртгешев Н. С., Добринина А. А. Типологическая специфика эвенкийского консонантизма (по данным рентгенографирования и МР-томографирования) // Сибирский филологический журнал. 2014. С. 186–191.

Сопоставительные характеристики категории имени существительного в ороchonском и эвенкийском языках / О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова, Хань Ю., Мэн Ш. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5. № 4. С. 171–181.

Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных) ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф... дис. канд. филол. наук. Краснодар. 2007. С. 26.

Труфанова В. Я. О соотношении индивидуального и общего в интонации актера // Русское сценическое произношение. М. : Наука. 1986. С. 166–180.

Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949. 342 с.

Хань Ю., Мэн Ш. Сопоставительная хрестоматия орончонского и китайского языков. Пекин : Центральное изд-во Института национальных меньшинств. 1993. 385 с. 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/ 北京. 中央民族学院出版社 出版. 1993年. 385页.

Чалова О. В. Эстетическая функция средств коммуникативного уровня русского языка (на примере образов, созданных О. Ефремовым, О. Табаковым и А. Калягиным): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : 2006. 27 с.

Шевченко Т. И. Фонетика и фонология английского языка. Дубна : Феникс+, 2017. 256 с.

Широбокова Н. Н. Историческое развитие якутского консонантизма // Новосибирск : Наука, 2001. 150 с.

Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры / А. П. Забияко, С. Э. Аниховский, Е. А. Воронкова, А. А. Забияко, Р. А. Кобызов. Благовещенск : РИО, 2012. 383 с.

Voersma P. Weenink d. Praat: Doing Phonetics by Computer [Computer Program] (Version 6.0.33). 2014. URL : <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>.

Morozova O. N. Duration of Evenki Vowels (on experimental data) // Proc. of the 10th Seoul International Altaistic Conference. Sunchon National University, Korea. 2011. P. 99–104.

Morozova O. N. Acoustic and Perceptual Features of Selemdzha Evenki Consonants // Proc. of the 11th Seoul Inter. Altaistic Conference “Synchronic and diachronic studies on Altaic languages”. The Altaic Society of Korea. Institute of Altaic Studies, SNU, Korea, 2013 a. P. 233–247.

Ольга Николаевна Морозова
доктор филологических наук, доцент
зав. кафедрой иностранных языков Амурского государственного
университета

Фонетическое портретирование языковой личности. Учебное пособие
Изд-во АмГУ. Электронное издание.
